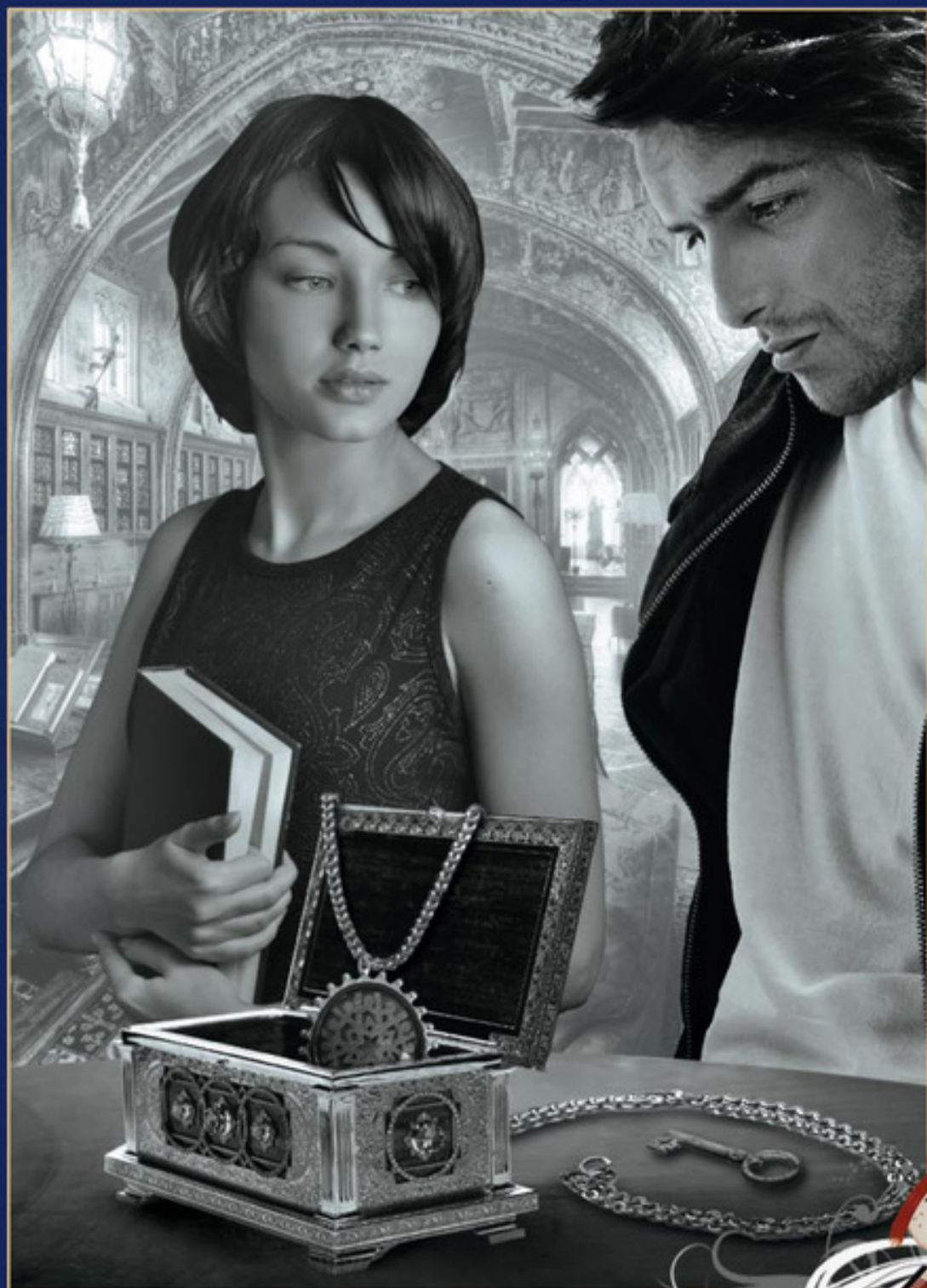

УЧЕНИЦА ЧАЛОВА

Ключ к тайне

Елена Чалова

Ключ к тайне

«Центрполиграф»

2013

Чалова Е. Э.

Ключ к тайне / Е. Э. Чалова — «Центрполиграф», 2013

В Калининграде, или Кёнигсберге, как называли город сами жители, москвичку Радугу ждало наследство, оставленное тетушкой Терезой. Особой тетушка была неординарной, о чем свидетельствовал медальон с магическими знаками, который много лет назад она доверила племяннице, велев носить не снимая. Не менее загадочной оказалась и история с унаследованным ларцом, которым, как выяснилось, заинтересовались весьма опасные люди...

© Чалова Е. Э., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Елена Чалова

Ключ к тайне

Глава 1

Тускло светила лампа, и по небольшой комнате с низким потолком метались и прыгали тени, словно заблудшие души грешников. Двое мужчин спорили, не обращая внимания на духоту и сгущающийся вокруг полумрак. Дети подглядывали за ними в узкую щелку двери. Им было страшно и интересно, они ни слова не понимали из того, что говорили взрослые, но сама комната и эти тени были столь загадочны и живописны, что их тянуло к двери словно магнитом.

– Неужели вы сами этого не чувствуете, рабби? – в который раз вопрошал Карл фон Райнц. – Грядут иные времена, и люди отчаянно нуждаются в знаниях, в мудром руководстве.

– Вы говорите как мальчик, как неразумное дитя, увлекшееся яркой игрушкой и пленившееся красивой речью, – устало отвечал старик. – А ведь нужно смотреть вперед.

– Вот именно! Нужно смотреть в будущее! Люди, обладающие знаниями, должны нести свет просвещения! – Карл поискал глазами свет, но в комнате было лишь маленькое окошечко, почти под самым потолком. Сквозь его толстые мутноватые стекла почти не пробивались лучи солнца. На столе имелаась лампа под тяжелым абажуром, сделанным из кусочков стекла и металла, и она служила фактически единственным источником не слишком яркого света в полуподвальном помещении, но свет этот был приглушенный и какой-то... слишком волшебный, что ли. Уж со светом знаний не ассоциировался никак. Тогда мужчина просто возвел очи горе, добавив выразительный жест руками. Однако в небольшой комнатушке подобные движения таили опасность, и Карл сморщился, угодив кулаком по темной балке, которая нахально выступала из стены. Старый раввин тихонько хмыкнул.

Мальчик, подглядывавший из-за двери, подумал, что мужчины удивительно похожи друг на друга: дядя Карл и этот старик. Действительно, оба они от природы довольно высокие и ширококостные, но долгие годы, проведенные за чтением ученых книг в душных кабинетах, ссутулили их плечи и сделали кожу похожей на пергамент тех книг, что они с такой любовью и почтением хранили и изучали. Впрочем, это было, так сказать, профессиональное сходство. Как бы мал и глуп ни был Клаус, он уже понимал, что между немецким аристократом и старым еврейским раввином не может быть родственного сходства. Рабби был ужасно стар, и Клаус всегда думал, что именно так выглядел библейский Моисей: с пышной седой бородой до пояса и длинными белыми волосами, тонкие пальцы с желтоватыми ногтями и пергаментной кожей гладят переплет книги, на которой лежит его сухая рука. Глаза старика стали хуже видеть, и он читал и писал при помощи лупы. Клаус не знал точно, сколько старику лет, но предполагал, что ближе к ста. Впрочем, когда тебе самому всего десять, то любой человек старше семидесяти представляется почти выходцем из могилы. Зато мальчик точно помнил, что его дяде Карлу недавно исполнилось пятьдесят семь. На здоровье дядя не жаловался, хотя и говорил порой, что «погода сегодня давит тяжко», или отказывался от еды, чтобы не перегружать желудок и облегчить работу сердцу.

– Смотреть в будущее... – пробормотал рабби. – И что же вы видите в будущем, друг мой Карл?

– Я вижу новые возможности для человечества! – Голубые глаза Карла горели, лицо с правильными чертами светилось искренней верой. – Подъем науки и искусств! Не проходит и дня, чтобы не свершались новые открытия в области физики или математики. И сейчас очень

важно, чтобы старые знания вернулись к людям. Неужели вы не можете убедить совет, что время настало?

– Боюсь, даже пожелай я, мне это не удастся, – отозвался старик.

– Но почему? Люди обрели бы невероятные силы, сумей они сложить новые и старые технологии, и тогда будущее станет именно тем царством добра и мудрости, к которому мы все стремимся... Что с вами, рабби? – Карл увидел, что старик прикрыл глаза и черты лица его словно заострились. – Вам плохо?

– Нет-нет. – Старик махнул рукой, указывая на чашку, примостившуюся на краю стола.

Немец подал ему лекарство и смотрел, как раввин пьет. Несколько капель янтарной жидкости пролились на белую бороду, но старик не обратил на это внимания.

– Не нужно думать, Карл, что мы сидим на наших тайнах, как та собака, из поговорки, сидит на сене. Просто время еще не пришло...

– Но откуда вы знаете, что момент не настал? Ведь нельзя не чувствовать, что эта эпоха – переломная. И знаки указывают на это! Мы с вами вместе нашли эти знаки, вместе анализировали тексты. Да сейчас и так, даже не обладая специальными знаниями или даром провидения, можно почуять, что мир меняется, что назревает нечто...

– Да. – Не мигая, старик смотрел на свет лампы. – Тут вы правы. Все указывает, что это непростое время и что сейчас мы можем прозреть будущее.

– Вот! Вы смотрели? – Карл нетерпеливо отставил чашку и присел на скамью, вглядываясь в темные и странно непрозрачные глаза старика. – Что вы видели, рабби? Полеты в космос? Объединенное правительство Земли?

Что-то в лице старика заставило его умолкнуть. В маленькой полуподвальной комнатке воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием двух немолодых мужчин. А потом старик прошептал:

– Там тьма, Карл. Огонь и смерть.

Карл шел по улице, и на сердце его было тяжело и беспокойно. Клаус семенил рядом с дядей, подпрыгивая, чтобы приноровиться к широкому шагу взрослого мужчины. Он молчал, потому что ему было жалко дядю Карла. Он расстроен. Неужели они с рабби действительно поругались? Клаус закусил губу. Слезы навернулись на глаза – он больше не увидит Мири! Кто бы ему еще год назад сказал, что он подружится с десятилетней девчонкой, живущей в еврейском квартале Праги, по соседству с синагогой! Да Клаус в жизни бы не поверил в такую возможность! Но потомок германских аристократов Клаус фон Райнц и внучка рабби Гринберга Мири стали настоящими друзьями и вместе исследовали темные закоулки старого дома рабби или совершали вылазки в лавочку на углу, где продавались леденцы. В магазинчике всегда было полутемно и пахло корицей. За прилавком царила толстая и неопрятная женщина, и было ужасно смотреть, как она запускает свою короткопалую руку в банку с леденцами, захватывает их толстыми шевелящимися пальцами, вынимает и сыпает сладкие комочки в газетный кулек. Клауса буквально передергивало от отвращения, но Мири следила за лавочницей своими темными внимательными глазами, поджимала губы – совсем как мать, – и старуха не осмеливалась обвешивать детей, хоть и шипела потом вслед что-то злобное. Но Мири ее не боялась. Она вообще ничего не боялась. Лишь встряхивала головой, так что тонкие косы, как две черные змейки, скользили по плечам, и шла домой, гордо подняв голову. Потом, забравшись в чулан, они вместе ели карамельки и придумывали страшные истории про старуху продавщицу. О, она уж точно была ведьма!

– Но ты только представь себе, как она летит на метле на шабаш! – давясь смехом, шептал Клаус. – Такая толстая, и в воздухе на метле!

Мири смеялась, прикрывая рот ладошкой. И мгновенно придумывала для толстой лавочницы более подходящее средство передвижения:

– Наверняка она летает не на метле, а на свинье. Точно – на толстом таком кабане! Фу, гадость!

Смешные истории помогали им не бояться полумрака лавочки и неприветливой толстой тетки, которая, похоже, ненавидела всех детей: и немецких, и еврейских, и даже чешских; как-то раз они видели, как она замахивается совком на двух мальчишек, живших в соседнем квартале.

Однажды Клаус и Мири вместе отбивались от этих мальчишек, которые пытались побить Клауса, признав в нем чужака. Да, с Мири дружить здорово и интересно. Сколько волшебных историй они придумали, сколько путешествий совершили, сидя в темном чулане... Мальчик прижал ладонь к груди, где висел медальон. Сегодня Мири была очень серьезна, даже печальна. Она не захотела играть в прятки, и они забрались в свой любимый чулан. Укрепив свечку на столе, девочка сняла с шеи цепочку с серебряным медальоном и протянула его Клаусу.

– Это тебе на память обо мне, – сказала Мири. – Он хранит от бед, и если прочесть, что на нем написано, то он выполнит любое твоё желание.

– Ух ты! – Клаус с интересом разглядывал медальон. Странные знаки и буквы незнакомого алфавита покрывали серебряный кружок. Вот Давидова звезда, это понятно. А это что? Буквы? Надо бы почистить, а то не разобрать ничего толком...

– Никто пока не смог прочитать эту надпись, – сказала Мири, – хоть все пытаются уже больше ста лет. Но ты такой умный! Я думаю, когда вырастешь, ты ее прочтешь.

– Я тоже принесу тебе подарок, – сказал Клаус, чувствуя на ладони тяжесть медальона и при неверном свете свечей пытаясь рассмотреть сложный узор, нанесенный на металл древними мастерами.

– Ты не успеешь, – покачала головой Мири, и ее черные косы взметнулись над худенькими плечиками. – Вы с дядей не придете больше к нам.

– Почему это? – растерялся мальчик.

– Не знаю. Но раз дед так сказал, то это уж точно. – Девочка вздохнула. – Жаль.

– Да. – Клаус кусал губы, чтобы не разревется.

Он исподлобья взглянул на сидящую рядом с ним Мири. Потом отвел глаза и принялся таращиться по сторонам, боясь, что слезы все же прольются. В чулане пахло травами, на полках стояли и лежали книги и разные вещи. Как-то Клаус нашел тут подозрную трубу и кучу глиняных черепков с непонятными надписями. Часть сундуков, стоявших вдоль стен, была заперта, в другие они с Мири нахально совали свои любопытные носы. Кажется, им так и не удалось исследовать их все. В чуланчике не имелось окон, и Мири приносила пару свечей. Однажды дети жутко перепугались. Клаус поднял свечу повыше, и из-под потолка на них блеснули чьи-то маленькие и налитые кровью глаза. Мальчик зажал рот ладонью, чтобы не закричать. А Мири зашипела, как кошка, и попятилась к двери. Они и не заметили, как оказались в коридоре.

– Позовешь маму? – шепотом спросил Клаус. Но девочка покачала головой.

Некоторое время они слонялись по кухне, пили воду и делали вид, что им совершенно не хочется возвращаться в чулан. Потом дети все же набрались смелости, вооружились парой бронзовых подсвечников и крадучись приблизились к тяжелой деревянной двери. Клаус обхватил обеими ладошками отполированный деревянный брус, служивший ручкой. Массивная дверь заскрипела и начала открываться. Клаус быстро схватил в одну руку свечу в простой глиняной плошке, в другую – тяжелый подсвечник, и, решительно шагнув вперед, они подняли свечи, разгоняя тьму в дальнем углу. На полке под потолком сидела какая-то хищная тварь, похожая на кошку, и скалила на детей острые мелкие зубы. Неровное прыгающее пламя заставляло ее глаза светиться бесовским красным светом. Клаус невольно шагнул назад – он испугался, что тварь вот-вот кинется на них. Но Мири стояла как пригвожденная к месту, и он не посмел убежать. Ведь девчонка не испугалась. Несколько томительно долгих секунд они просто стояли, и чулан словно замер в ожидании. Мальчику померещилось, что не только зверь

из-под потолка смотрит на них, но и таинственно поблескивающая стеклами подзорная труба щурится с полки насмешливо. И темные замочные скважины сундуков и ларцов – они как чьи-то глаза, что уставились на детей из полумрака. По спине Клауса тек пот, и ему казалось ужасно громким их с Мири дыхание и треск свечей. А потом девочка шепотом сказала:

– Это чучело.

– А?

– Чучело. Настоящий зверь не мог бы сидеть так неподвижно и не мигать.

Дети по очереди забирались на шаткую конструкцию из сундука и табуретки и трогали неприятно жесткую шкурку, чтобы убедиться, что зверек мертв давно и необратимо. Страх прошел, они нарекли зверька Алефом и даже порой здоровались с ним, входя в чулан. И все же Клаус нет-нет да и вздрагивал, если замечал сверху блеск маленьких злобных глаз.

Он и сейчас взглянул в ту сторону, и ему показалось, что хорек (Мири как-то удалось опознать животное) смотрит на него с нескрываемым злорадством. Клаус принял, но даже знакомый запах – пыли и трав – показался ему не таким, как всегда. «Это потому, что я теперь знаю, что больше не вернусь сюда», – с тоской подумал мальчик. Он вспомнил, что так же вдруг обострились чувства, когда он уезжал из родительского дома. Ему было страшно и тоскливо, и он словно впервые заметил, какая теплая и уютная у него кровать. Как гладко отполированы доски обеденного стола. Как тепло золотится солнечный свет на полу, и как вкусно пахнут теплые мамины волосы, когда она обнимает и целует его.

В день отъезда он старался запомнить маму, сестричек и отца. Вечером, забравшись в постель, он закрывал глаза и вызывал из памяти их лица. Мысль о том, что люди меняются и сестрички уже повзрослели и изменились, не приходила мальчику в голову – для этого он был еще слишком мал.

И теперь он искоса разглядывал Мири, чтобы запомнить и ее тоже. Рядом с Клаусом сидела, сгорбившись, худенькая черноволосая девочка. Темные глаза, большой рот. Когда она улыбается, видно, что верхние зубы у нее неровные, а внизу один зуб и вовсе сколот. Это оттого, что кто-то из мальчишек в пылу ссоры бросил в нее камнем. Еще на нижней губе виден шрам от того же удара. Она одета в темно-синее с серой отделкой платье, подол кое-где заштопан, потому что Мири вечно куда-нибудь лазает и за что-нибудь цепляется.

Клаус пощупал медальон, который Мири повесила ему на шею. Потом вздохнул, снял свой и протянул девочке:

– Возьми. Раз ты отдала мне свой оберег, я хочу, чтобы ты получила мой.

– Что это?

– Отец отдал мне его перед отъездом, – пояснил Клаус. – Он золотой, и это ключ от царства духа.

– А царство где? – Внимательные глаза девочки рассматривали золотой кружок, который Клаус держал за цепочку.

– Не знаю. Это такая легенда. В старом замке, что стоит не на земле и не на небе, есть путь, который ведет прямо в ад. Но если пройти по этому пути до конца и не струсить, то найдешь врата в царство духа, которые можно отомкнуть медальоном как ключом.

– Здорово! – прошептала Мири. – А где этот замок?

– Не знаю. Отец сказал, что медальон надо передавать от отца к сыну и повторять легенду. И когда-нибудь самый достойный найдет царство.

– Как же ты его отдаешь мне?

– Я думаю... ты достойна.

Мири уставилась на него темными глазами, потом взяла медальон. Золотой кружок лежал на худенькой ладошке, и Мири с интересом разглядывала его. Она хотела спросить, что именно изображено на медальоне, но тут где-то послышался голос дяди, который звал мальчика.

Дети выскочили из чулана. Клаусу казалось, что он попал в дурной сон. Дядя уже ждал его у двери, которую не мешкая открыла мать Мири – темноглазая и худая, она походила на дочь, только волосы прятались под головным убором да платье было другого цвета. Узкая улочка, на которую выходила парадная дверь домика Мири, выглядела размазанной и нечеткой, потому что на город опускались сумерки, да еще туман... Окрестные дома показались вдруг незнакомыми, фонарь на перекрестке притворялся луной – свет его был бледным и нечетким. Гости ушли из дома рабби навсегда. Не было никакого прощания, мужчина и мальчик спустились по двум неровным ступенькам, и Карл зашагал вперед, не оглядываясь. Дверь закрылась за ними, но все же Клаус, чуть ли не вприпрыжку следуя за широкими шагами дяди, оглядывался и видел худенькую фигурку в темном платье, которая провожала их до угла улицы, а потом растворилась в сумерках.

Наверное, дед Мири и дядя Карл рассорились из-за каких-то научных споров, думал Клаус, торопясь за дядей. Так бывает. Ах, как же он будет один, без Мири, без этих странных путаных домов, где так здорово играть в прятки, без гулкового эха, которое по-разному звучит в разных углах синагоги. Он оглянулся. Еврейский квартал тонул в сумерках. Окна домов светились дружелюбно, пахло хлебом, чесноком и неизменной рыбой. Клаус тихонько всхлипнул. Мири говорила, что медальон должен принести счастье. И, если повезет, даже желание может выполнить. Клаус опять прижал ладонью медальон к груди, крепко зажмурился и страстно пожелал, чтобы и дальше они могли видеться с Мири. Вот если бы она была его кузиной, а не капризная Лотта, вечно боящаяся запачкать платье или растрепать волосы...

Два шага с закрытыми глазами, и нога мальчика угодила в одну из выбоин: улицы Праги, особенно в еврейском квартале, никогда не отличались ни чистотой, ни ровной поверхностью. Клаус упал, ободрал колено и ушиб руку. Карл, мгновенно вынырнув из своих мыслей, присел рядом с мальчиком на корточки. Ему стало стыдно. Он ругал себя, что шел слишком быстро и совсем позабыл о ребенке.

Он ощупал ногу и ушибленный локоть, увидел, что Клаус кусает дрожащие губы, и подхватил его на руки.

– Нет-нет, дядя, я сам дойду! Я уже не маленький!

Пришлось поставить мальчишку на землю. Тот тер колено и тихонько всхлипывал, но старался не плакать. Карл огляделся. Кажется, там, за углом, должен быть кабачок. До дома им идти пешком еще минут двадцать, пусть мальчишка посидит и передохнет. Они потихоньку добрались до кабачка и вскоре уже сидели в дымном, но теплом зале, где пахло пивом и жареными колбасками. Карл взял кружку пива, а потом решил и поужинать – заказал себе колбаски с капустой. Мальчик получил пирог с яблоками и стакан теплого сидра. Он устроился подле камина на старом половичке и невидящими глазами смотрел в огонь.

– Почему ты не хочешь мяса? – встревоженно спросил Карл. – У тебя что-нибудь болит?

– Нет. Я... я поел.

– Поел?

– Ну да. Пока вы разговаривали, мама Мири покормила нас. Рыба была вкусная.

Карл смутно припомнил худющую черноглазую девчонку, которая вечно вертелась под ногами, когда они со стариком разговаривали. Точно, рабби называл ее Мириам. И запах рыбы в доме стоял, кажется. Ну, раз мальчик не болен и не голоден – все замечательно.

Клаус плохо спал этой ночью. На Прагу опустился туман, и город, казалось, ворочается в нем, словно большое чудовище. Утром туман посерел и стал более тонким и проницаемым, но зато наполнился сыростью, которая противно липла к лицу и одежде. Карл решил, что сегодняшней день они проведут дома, и Клаус не возражал. Он получил задание и ушел к себе учить уроки. Честно сказать, сегодня мальчик, обычно весьма прилежный, был невнимателен к своим трудам. Он все смотрел в окно и пытался представить, как там Мири. Время от вре-

мени он клал ладошку на грудь, где висел медальон. Нужно быть внимательнее, чтобы дядя не заметил подмены. Взрослые такие глупые, им не понять, что они с Мири отдали друг другу самое дорогое, и важно лишь желание сделать добро, отдать частичку себя другу. Но ведь с дяди станется вспомнить о семейных реликвиях и о том, что золото не равно серебру по цене.

Клаус вспомнил, как ссорились отец и дядя Карл, когда разговор зашел о медальоне. По извечной детской привычке вертеться под ногами у взрослых Клаус оказался в комнате и стал свидетелем разговора, который не предназначался для его ушей. Услышав, что братья беседуют на повышенных тонах, он забился в угол за кресло и лежал там ничком на полу, глядя широко открытыми глазами на пляшущую в воздухе пыль и позволяя словам взрослых течь сквозь него. Не все он понял до конца, но сумел уловить немало.

Так, мальчик впервые узнал, что в Моравию¹ его семья потомственных германских аристократов переехала из-за бедности. Он-то этого не помнил – слишком был мал, а потому считал небольшой чистенький чешский городок на берегу реки Моравы родным. Клаус знал всех жителей соседних улочек, дружил и враждовал с их детьми, лазил по холмам, поднимавшимся за городом, и ни разу в жизни мальчику не пришлось в голову, что он мог бы жить в другом городе и вести какую-то иную жизнь. А теперь выяснилось, что родители хотели бы остаться в Мюнхене, но жизнь в Моравии была дешевле, чем в самой Германии, и лишь в этом маленьком городке отец смог найти работу аптекаря и даже стал совладельцем лавочки. Мальчик прекрасно знал, что такое бедность: мать сама перешивала ему отцовские вещи, и только старшая сестра иногда получала новые платья – средняя и младшая донашивали за ней. Мясо они ели по выходным, и если он рвал штаны, то отец отвешивал ему затрещину, а потом долго и нудно читал мораль о том, как трудно заработать деньги и прокормить семью.

Клаус прежде не видел дядю, но знал, что Карл – старший брат папы, что он ученый и живет не так бедно, как они. Карл прислал письмо с известием о скором приезде недели две назад, и с тех пор в доме все пошло кувырком. Мать сходила с ума, пытаясь вычистить и привести в порядок их жилище. Ей хотелось хоть как-то скрыть следы бедности и недостатка средств, которые сквозили буквально отовсюду. Она чистила кастрюли и сковороды, скоблила пол в кухне, мыла окна и пыталась разорить мужа на новые занавески. Отец хмурился и ворчал. Сестры стирали и убирали с утра до вечера. Накануне приезда дяди Клауса искупали, и мать выдала ему чистую одежду, хотя была еще только среда, а не суббота. И еще она долго расчесывала его светлые локоны, а он сердился, потому что гребень царапал голову, и пытался вывернуться из ее рук...

И вот долгожданный дядя Карл приехал. Клаус разглядывал его, как некую диковинку. Карл фон Райнц был старше брата Пауля, выше его ростом, имел широкие, хоть и сутулые плечи, тонкий прямой нос и пронзительные голубые глаза. Дядя казался мальчику богачом, а кроме того, он много где побывал, и от его одежды пахло странно – травами и еще чем-то незнакомым. Он приехал в их маленький городок в гости на Рождество и теперь, поговорив с братом, пришел в ужас оттого, что мальчишка не получает должного при его происхождении образования. Отец лишь морщился и говорил, что он с трудом зарабатывает детям на одежду и пропитание, какая уж тут учеба. Клаус ходит в школу при местном монастыре. Читать и писать умеет. И раз уж Карл в кои-то веки задумался о судьбе племянника, то мог бы оплатить его учебу. Дядя некоторое время молчал, а потом сказал, что обдумает такую возможность. Отец, обрадованный, стал нахваливать Клауса. Мальчик с удивлением узнал, что все считают его сообразительным и способным, а вовсе не сорванцом и бездельником. Тем же вечером дядя подозвал его к себе, попросил прочесть отрывок из Библии, поговорил с ним по-чешски и по-немецки. И в конце концов сказал, что берет его к себе в ученики.

¹ Моравия – название одной из областей Чехии до Второй мировой войны.

– Я подготовлю тебя к поступлению в гимназию, – сказал он, глядя на мальчика внимательными голубыми глазами. – А потом ты поступишь в университет. Раз уж так получилось, что у меня нет своих детей, я передам тебе все знания и оставлю все, чем владею. – Он еще раз потрепал мальчика по вихрам, повернулся к брату и сказал: – Хочу тебя кое о чем попросить.

Они перешли к камину, отец налил в кружки темное крепкое пиво, и братья сели друг против друга. Клаус сделал вид, что ушел, а сам, прежде чем закрыть дверь, упал на четвереньки и быстро скользнул обратно. Он приподнял край скатерти и залез под стол. Ну уж нет, он в жизни своей не слышал таких интересных разговоров и за время недолгого визита дяди узнал о своей семье больше, чем за все время совместной жизни с родными! Мальчишка осторожно перебрался в узкое пространство между столом и окном и лег калачиком, прислушиваясь. Мужчины курили у камина, мирно потрескивал огонь, за окном было холодно, и по полу тянуло сквозняком, но Клаус ждал. Он чувствовал напряжение, повисшее в комнате. Наконец дядя сказал:

– Я хотел попросить у тебя медальон.

Пауль ответил не сразу. Он отхлебнул пива и, не глядя на брата, проговорил:

– Ты же знаешь, отец отдал его мне. И таков обычай – медальон хранит тот, кому его передали из рук в руки.

– И в чем смысл этого хранения? Для многих поколений этот медальон был символом, движущей силой, которая заставляла мужчин нашего рода искать некий путь... каждый искал его по-своему: кто-то на войне, кто-то в науке или пытаясь достичь вершин власти. Они не преуспели, но поиск нужно продолжать... А для тебя медальон превратился в кусок золота, который ты носишь на шее как побрякушку! Ты будешь носить его до конца жизни, а потом?

Пауль молчал, и Карл продолжал, все больше распаляясь:

– А я мог бы попытаться исследовать его и найти корни легенды. Ты ведь не веришь, что за этой вещью стоит что-то реальное. А я верю! Понимаешь?

– Надеешься найти дорогу в рай при жизни?

– Я надеюсь сделать в этой жизни что-то на благо человечества!

– Ты всегда был идеалистом, Карл, – усмехнулся Пауль. – Может, перестанешь играть в мессию и сделаешь что-то конкретное? Поможешь реальному человеку, а не абстрактному человечеству?

– Ты забыл, что я хочу оплатить образование твоего сына? Я буду обучать его и содержать, чтобы его образование и будущее дали ему возможность достойно продолжить наш древний род.

Клаус осторожно поерзал, удивленный долгим молчанием отца. Пауль сидел в старом кресле, смотрел на огонь и молчал, но было видно, что плечи его ссутулились и думы его не из приятных. А потом он сказал:

– Я подумаю.

Мать плакала, но все же родители согласились отпустить Клауса с дядей. Сестренки завидовали, а он честно разделил между ними свои сокровища: стеклянные шарики – младшей, солдатиков – средней, а книжки и карандаши – старшей. Вечером накануне отъезда отец пришел в комнату к Клаусу, сел на край постели, надел мальчику на шею золотой медальон и рассказал легенду. Потом добавил:

– Если Карл попросит отдать медальон – не соглашайся. Он твой по праву. Его время прошло, и теперь ты – хранитель. Ты понял?

– Да, но... он сильный. Он ведь может его просто отобрать.

– Нет. – Отец покачал головой. – Этого он не сделает.

Потом отец погладил Клауса по голове и сказал, что если его действительно ждет лучшая доля и он станет ученым и унаследует деньги Карла – пусть не забывает о родителях и сестрах.

Клаус поймал себя на том, что водит пальцем по незнакомым буквам и знакам, которые покрывали медальон – не его собственный, золотой, а подарок Мири. Пожалуй, надо застегнуть рубашку и постараться, чтобы дядя не заметил подмены. «И вообще, – твердо сказал себе Клаус, – мой был медальон – и только мое дело, как им распорядиться».

Он со вздохом покосился на дверь, потом невнимательно прочитал пару абзацев из учебника химии, ничего не понял и опять уставился в окно. Клаус был разочарован, когда выяснилось, что дядя Карл тоже живет не в Германии, а в Праге. Но сразу после приезда город захватил его. Клаус буквально влюбился в его башни и соборы, мощенные булыжником улицы и красивые дома. Они жили в центре, и Карл разрешил мальчику гулять самостоятельно – но только после того, как все уроки сделаны.

Клаус часами бродил по улицам, сидел на берегу Влтавы и смотрел на Град. Он перечитал все книги по истории Праги, что нашлись у дяди в библиотеке, и теперь грезил таинственными колдунами короля Рудольфа, алхимиками и привидениями. Мальчик каждый день бегал к ратуше посмотреть на волшебные часы, которые местные называют Орлой. На этих часах было так много всего написано и нарисовано, что мальчик в конце концов упросил дядю пойти с ним и объяснить, что означают все эти чудесные знаки и цифры. Теперь он знал, что часы могут одновременно показывать время, движение Земли, зодиакальные периоды и много чего еще. Но самыми таинственными и пугающими казались Клаусу четыре фигуры, располагающиеся по обе стороны часов. Каждая из них представляет четыре вещи, презираемые каждым добропорядочным христианином. Смерть, которую олицетворяет скелет, отбивает время. Тщеславие представлено фигурой с зеркалом. Жадность – это человек с кошельком, и, наконец, иноверец – фигурка в тюрбане. А в дверных проемах поверх часов показываются фигуры апостолов, призванных уберечь людей от изображенных зол. Даже привыкнув к Орлою, Клаус все равно часто ходил на площадь, но наблюдал не столько за движением фигур на балкончиках, сколько за людьми вокруг, ибо одна из легенд гласила, что дух мастера, создавшего этот шедевр часового искусства, часто появляется на площади и ревниво следит, восхищаются ли люди его творением. Клаус одновременно и боялся и мечтал увидеть это тщеславное привидение.

Вообще-то, честно сказать, с дядей жилось неплохо. Про медальон он не заговаривал и с удовольствием занимался обучением Клауса. Открыв рот мальчик восторженно слушал рассказы дяди о Ньюtone, Копернике и других великих ученых прошлого. Он с удовольствием учил латынь и алхимические формулы, даты исторических битв и геометрические функции. Все бытовые проблемы решала экономка фрау Тереза – строгая, но честная и заботливая женщина. Она следила за тем, чтобы и Карл, и Клаус были сыты и хорошо одеты, чтобы в доме всегда был запас дров и угля. Клаус, привыкший к материнской ласке, порой плакал вечерами, и тогда фрау Тереза приходила к нему и сидела на краю его постели, глядя худенькие плечи и светлые локоны. Он прижимался к ее шершавой ладони щекой, закрывал глаза и представлял себе лицо мамы. Экономка вздыхала, качала головой, но не могла не жалеть мальчишку, и иногда Клаус находил у себя на подушке липкий леденец или засахаренную вишню. Вот друзей у мальчика не завелось, проказничать было не с кем, и он всю свою энергию отдавал учебе. Сколько интересного он узнал! И понимание того, что это лишь незначительная толика знаний, которыми ему предстоит овладеть, вызывало в душе Клауса трепетный восторг. Он станет ученым, таким, как дядя Карл. О нет, лучше! Дядя сам говорил, что ученик должен превзойти своего учителя, чтобы порадовать его. Сперва Клаус немного боялся дяди и ужасно скучал, но потом привык, и ему понравилось, что у него есть своя комната, есть можно досыта и книги у дяди интересные. По выходным они ходили обедать к родственникам. Там был мальчик чуть постарше, который ужасно задирает нос, потому что учился в гимназии и у него имелась настоящая гимназическая форма. Его младшую сестру звали Лотта – кукольное создание со светлыми кудряшками и голубыми глазами. Разговаривать с Лоттой было не о чем, она интересо-

валась только куклами, платьями и конфетами. Скука в такие вечера была смертная, и Клаус ненавидел эти походы в гости. Уж лучше дома сидеть и книжки читать.

А потом дядя взял его с собой в еврейский квартал, и Клаус подружился с Мири. Долгие часы Карл проводил в обществе старого раввина. Они читали книги, рассматривали какие-то картинки и разговаривали, разговаривали... Иной раз предметом их изучения становились древние сосуды или монеты. Порой дети играли тут же, у ног взрослых. Но потом им становилось скучно, и они пробирались в маленькую кухоньку с низким потолком и дровяной плитой. Мать Мири кормила их, наваливая в щербатые миски вареную рыбу, капусту или кашу. Клаусу казалось, что никогда в жизни не едал он так вкусно. Вылизав миски, дети убегали играть. Иногда они забирались в один из залов синагоги, садились подле стены или скамьи, покрытой резьбой, и, водя пальцами по абстрактным узорам, придумывали истории и рассказывали, что видят. Вот замок, к нему летит дракон. Вот рыцарь. Он будет спасать принцессу.

– Ты будешь принцесса, – говорил Клаус.

– И что, я должна сидеть в замке? – Мири фыркала с негодованием. – Еще чего! Да я сама этого дракона... заколдую, вот!

– Ты не умеешь.

– А вот и умею! У дедушки много волшебных книг. Я знаю, где они лежат, и умею читать. Даже Тору могу читать, хоть мне и нельзя.

– Почему нельзя?

– Не положено по обычаю, – важно отвечала Мири. Она оглядывалась через плечо и продолжала шепотом: – А еще у дедушки есть волшебный сундук... его нельзя открывать, потому что в нем – дух.

– Чей дух?

– Не знаю... Но он там заперт.

– А еще что есть?

– Еще такая бутылка, непрозрачная. Она залита воском и запечатана. И вся покрыта священными символами... Там живет демон.

Мири рассказала ему про голема, которого сотворил раввин Лев.

– Он тоже был моим прапрапрадедушкой, – важно заявила она. – Он был великий ученый и колдун. Хочешь, я покажу тебе его могилу?

Дети пробрались на кладбище. Здесь не было ни травы, ни дорожек, ни цветников, лишь несколько деревьев сплетали свои ветви над могилами. Каменная ограда тесным обручем окружала серые плиты, напользающие друг на друга, жмущиеся вплотную. Мири показала своему другу могилу раввина Льва бен Бецалеля. Клаус, которого била дрожь то ли от испуга, то ли от холодного ветра, круглыми глазами разглядывал теснившиеся одно к другому надгробия и плиты, покрытые буквами непонятного алфавита. Иной раз на древних камнях кроме букв и звезд Давида угадывались силуэты животных – так граверы передавали фамилии. Например, если на плите имеется изображение гуся, то это значит, что здесь покоится человек по фамилии Ганс, а если мышь – то Майзель. Иной раз попадалась корона – символ доброго имени и мудрости или гроздь винограда – символ богатства. Никогда в жизни не видел он так тесно заселенного кладбища – могилы располагались в несколько слоев.

Надгробие знаменитого ученого и алхимика с виду несколько отличалось от других: имело подобие колонн и выщербленную резьбу. А еще на нем лежало несколько мелких монеток и засохших цветов.

– Это всякие дураки приносят, – пояснила Мири шепотом (на крошечном кладбище никому не приходило в голову говорить в полный голос). – Думают, что так загаданное желание исполнится. Но дедушка говорит, что это чушь. Если хочешь, чтобы твое желание исполнилось, надо не просто хотеть, но еще и делать...

Карл смотрел на огонь, и мысли его были безрадостны. Уж как только он не убеждал, как не уговаривал рабби и других старцев, что пришло время разделить с лучшей частью человечества их знания. Но иудеи были упрямы. Сперва они вроде бы колебались, но потом, по мере того как истолковывались знаки и знамения, их решимость и дальше скрывать от всех тайные знания становилась все крепче. И вот сегодня рабби произнес слова окончательного отказа. Должно быть, ему было видение о будущем. И то, что старик увидел там, сильно напугало его. Он словно враз стал ближе к могиле. Карл невольно поежился. Да, оккультные ритуалы порой забирают жизненные силы, поэтому немцы и пытаются поставить весь процесс на научную, так сказать, основу. Должны вестись серии экспериментов, нужно разделить оккультистов на теоретиков и практиков. Только человек, обладающий аналитическим складом ума и стоящий как бы над опытами, может заметить и выделить закономерности, правильно оценить приоритеты... Но пражские мудрецы продолжали действовать по старинке и слушать не желали о сотрудничестве! Карл вздохнул. Чертовски жаль, потому что их многовековые знания пригодились бы, стали бы цементом, скрепившим фундамент нового мира. На секунду мелькнула мысль, что можно бы поговорить с герром Шрайвером. У него в подручных есть группа крепких молодых ребят, и вообще он умеет организовывать всякого рода акции... но потом Карл отверг эту мысль. Даже если разобрать по камушку Старую синагогу, они все равно ничего не найдут. Ну, может, отыщутся глиняные остатки голема.

Легенда гласит, что Лев бен Бецалель, который был раввином той самой синагоги, создал глиняного великана. Он оживлял его, вкладывая в рот безмозглому созданию свиток со священным текстом из Торы. Голем усердно трудился от зари до зари, а когда текст вынимали, замирал до следующего дня. А потом что-то пошло не так. То ли помощник раввина забыл вынуть свиток, как ему было велено, то ли этот помощник захотел попробовать свои силы и сам вложил свиток в глиняного истукана. Короче, случился сбой программы, и голем обезумел. Он крушил все на своем пути, и лишь возвращение раввина спасло еврейский квартал от полного разрушения. Лев бен Бецалель уничтожил свое творение, разрушил голема, но говорят, что в одном из подвалов Старой синагоги до сих пор хранятся куски глины – тело истукана. Карл вздохнул. Какой смысл в глине? Тот священный свиток, что оживлял чудовище, – вот что надо бы искать. Однако это бессмысленно. Сегодня рабби практически прямо сказал ему, что они не будут дальше встречаться и вести совместные исследования. Само собой, он сослался на болезнь, старость и немощь, но Карл прекрасно понял: виной тому страх, поселившийся в душе старика. То, что он увидел в будущем, едва не убило его. Карл взглянул на пылавшее в камине пламя. Старик сказал, что там огонь и смерть. Что же он видел? Знать бы, какие именно силы и средства задействуют мудрецы, можно было бы хоть приблизительно оценить точность предсказания. Впрочем, рабби мог видеть свое будущее, личное, так сказать. Но тогда почему огонь? Пожар? Карл покачал головой. Раввин слишком стар и мудр, чтобы испугаться собственной смерти. Скорее всего, он видел будущее своего народа. Значит ли это, что будет новая война? Так поговаривают... но эти разговоры начались чуть ли не сразу же после Первой мировой. Карл всегда был далек от политики, но не мог не слышать бесконечных разговоров о том, что мирный договор, который не принес Германии ничего, кроме унижения, в скором будущем должен быть пересмотрен.

Не хотелось думать о войне, но в том, что перемены грядут, и это будут радикальные и великие перемены, Карл не сомневался ни минуты. Знаки и знамения указывают на скорые изменения в судьбах многих народов и стран.

Взгляд ученого остановился на худенькой фигурке мальчика. Клаус сидел подле открытого очага, его вихрастая голова была низко опущена, он смотрел в огонь и думал о чем-то своем. Карл улыбнулся. Он успел привязаться к мальчишке. Ученик не был ему в тягость. Мальчик одинаково хорошо запоминал латинские тексты, геометрические теоремы и значения рун. Карл решил, что постарается максимально облегчить задачу племянника: «Ему не при-

дется по крупитцам собирать знания, я научу его всему, что знаю сам. Клаус отточит свой ум, и тогда, возможно, его ждут великие открытия и славные дела. Он станет настоящим и достойным гражданином нового мира». Растроганный собственным великодушием, Карл допил пиво и решил, что теперь ему нечего делать в Праге. Он примет предложение герра Зоммера и переедет в Кёнигсберг. Там сейчас собрались светлые умы, группа единомышленников, чьи труды на благо нации будут оценены по достоинству.

Пожалуй, руководство выбрало Кёнигсберг не случайно. Получив предложение о переезде, Карл, со свойственной всякому истинному ученому скрупулезностью, изучил имеющиеся в библиотеке данные об истории города.

Еще в XIII веке на этом месте жили племена пруссов; нехристи и язычники, они строили свои капища на землях у реки Преголь, которые считались местом силы. С благословения папы римского рыцари Тевтонского ордена огнем и мечом прошли по землям пруссов, насаждая христианство. Они же заложили первую крепость, назвав ее Кёнигсберг. Затем орден переуступил территорию Польско-Литовскому княжеству. Но уже тогда, взволнованно думал Карл, уже тогда магические ритуалы проводились в этих местах. Тевтонский орден был известен приверженностью к мистике и магии. Земли переходили из рук в руки, а в середине XV века Кёнигсберг служил резиденцией Великого магистра ордена.

Постепенно три отдельных поселения – Альштадт, Лебенихт и Кнайпхоф, – расположенные неподалеку от крепости, официально объединились в город, принявший имя Кёнигсберг. Произошло это в 1724 году.

В 1806-м Кёнигсберг по приказу Наполеона становится столицей Пруссии. Мудрый император французов называл этот город жемчужиной и понимал, что ему суждено сыграть немалую роль в истории, хотя лишь в 1861 году Кёнигсберг вместе с Восточной Пруссией вошел в состав Германии.

Поезд Клаусу понравился. Он стучал колесами, навевая неясные, но приятные мысли и ожидания. Совсем как перед Рождеством. Мимо проплывали города и деревни, поля и леса. Стояла ранняя сухая осень 1935 года, и Клаусу только исполнилось одиннадцать лет. Карл чувствовал себя виноватым перед мальчиком, потому что не разрешил ему повидаться с семьей перед отъездом. И дело было даже не в потере времени. Карл искренне считал, что после года разлуки боль мальчика притупилась, а если отправиться сейчас в Моравию, то он опять попадет домой, и мать вновь будет рыдать, расставаясь с ним, а потом и Клаус станет плакать по ночам. Он отправил письмо брату и его семье, в котором написал, что срочная работа призывает его в Кёнигсберг. Он забирает Клауса с собой, будет и дальше учить его, а затем подготавливает для поступления в Альбертину – университет Кёнигсберга. Еще он отправил им фото Клауса. Снимки получились хорошие: красивый светловолосый мальчик, в аккуратных бриджах и белой рубашке, с чуть напряженным лицом смотрел в объектив.

Клаус, кажется, воспринял быстрый отъезд как должное, но Карл все же чувствовал себя тираном, а потому старался быть с мальчиком помягче: купил ему конфет, хотя обычно не позволял сладкого, и в поезде не стал нагружать учебой. Велел лишь прочитать главу из учебника истории про Восточную Пруссию, столицей которой был раньше Кёнигсберг. Увидев, что мальчик опять глазет в окно, Карл строгим голосом спросил:

– Ты прочел то, что я велел?

– Да, дядя.

– Расскажи мне.

Клаус послушно принялся излагать историю Кёнигсберга. Рассказал про племена пруссов, тевтонцев, потом перешел к более позднему времени. В первой половине XVI века последний магистр Тевтонского ордена Альберт провозгласил себя герцогом Прусским, основал в

городе университет, названный в его честь Альбертиной, а еще он собрал огромную библиотеку...

– Ты будешь учиться в Альбертине, – сказал Карл, благосклонно взирая на своего подопечного.

– Правда?

– Конечно! Ты прочел про Иммануила Канта?

– Да, но я не очень понял... Философия такая скучная вещь, не то что химия!

– Просто ты еще слишком мал, – снисходительно заметил Карл.

...Кlaus обживал Кёнигсберг. Новый город – это всегда приключение. Они поселились на острове Кнайпхоф на тихой улочке. Клаусу понравилась комната, которая ему досталась. Под самой крышей, с мансардным окном, из которого видны были башни собора. Мальчик скучал по Праге и по Мири, но он пошел в гимназию и вскоре подружился с двумя братьями, жившими по соседству, – сыновьями одного из профессоров Альбертины. Карл против таких знакомств не возражал, и в свободное от занятий время мальчишки носились по острову, который соединялся с сушей семью мостами.

Клаус развлекал своих новых приятелей рассказами о Праге, алхимиках и доме у последнего фонаря. Зиги и Алф не оставались в долгу и пересказали Клаусу все местные страшилки, а также показали ему вход в древние каменоломни, где, по совершенно точной информации, до сих пор живет дракон.

Мальчишки оборудовали себе штаб на чердаке дома, где жили братья, собирались там после занятий, рассказывали друг другу всякие истории, жевали украденные с кухни пирожки, сидя на дощатом полу, меж старья и сундуков. Свет проникал через старые стекла круглого окна, а издали доносился шум еще мирного города: звонили часы, гремели по мостовой колеса телег и рычали авто, оскверняя воздух запахом бензина. Мальчишки тащили сюда найденные в подвалах и старых каретных сараях железки, чертили бесконечные схемы и читали книги. В конце концов ребята составили свою собственную карту города, на которой были не только дома и улицы, но и знаки, ведущие к Тайне. Что Тайна есть, никто из них не сомневался. Что за жизнь без непознанного? Иначе зачем так много странных знаков на стенах домов? Почему так много тайн и темных мест в истории города? Множество легенд рассказывали о городе и о земле древних пруссов, и так интересно было бродить по местам, где раньше твердой поступью шли тевтонские рыцари.

Откуда взялся дракон, толком никто не знал. Зиги слышал от старика сапожника, которому было лет сто, не меньше, что давным-давно, едва ли не до начала времен, пришли сюда мудрецы из земель разных, в том числе и из колен Израилевых. Мудрецы эти по звездам и другим знакам определили, что именно в этом месте, там, где река Преголь круто огибает каменный берег, есть место, способное удержать зло. И они привели сюда большое зло, и заточили его в глубоком подземелье, и подписали договор с воинственными пруссами о том, что будут они охранять Тайну, чтобы зло не вырвалось на свободу, потому как принесет оно бедствия неисчислимы, и в душах людских не останется ничего, кроме слепой гордыни и жажды власти. А когда люди не будут знать ни жалости, ни сочувствия, настанет конец времен.

Но Алф твердо заявил, что это все чушь и старый полусумасшедший сапожник не может служить экспертом и надежным источником информации. И вообще, все знают, что драконов умирят не всякие там мудрецы Израилевы, а юные девственницы. И да, многие говорят, что когда-то давно жил в этих местах дракон и помогал местным жителям защищаться от воинственных соседей, но потом девушка, которая была над ним властна, влюбилась. А как только она согрешила, тотчас же дракон озверел и сожрал и ее, и ее возлюбленного. Ну и заточили его в подземелье, наверное. Подумаешь, дракон!

А вот ему, Алфу, всю правду рассказал библиотекарь, тот горбун с горящими глазами, что живет в комнатухе под крышей в доме фрау Морен. Так вот горбуну доподлинно известно, что все дело в тевтонских рыцарях. Они вернулись из Палестины и привезли с собой сосуд, в котором заперт самый настоящий демон. И если демона этого выпустить, то он принесет разорение и опустошение на все земли. Но и это не самое страшное. А хуже всего то, что есть где-то Серый камень. Его тоже нашли тевтонские рыцари, но куда дели – неизвестно. Камень проще спрятать, чем все остальное, можно хоть у дороги бросить; если на нем ничего не написано, то никто и не догадается... «А на нем написано?» – с замиранием сердца спросил Клаус. А как же! Но видно только одно место – куда нужно приложить ключ. Тогда проступят остальные буквы, и появится надпись, в которой и говорится, что это тот самый Серый камень. И тогда демон освободится и воссядет на Серый камень, и камень тот расколется, и выйдет из него прекрасный золотоволосый юноша с серповидными глазами и уродливым телом, и звать его будут Армилос.²

Клаус нахмурился, пытаясь вспомнить, где, собственно, он слышал это имя?

Может ли быть, что его упоминал дядя, обсуждая что-то с учеными господами, которые иной раз захаживали к ним в гости? Если так, то все правда и где-то здесь, под городом, под всеми этими домами с мирными обитателями, под булыжной мостовой и костелами, под рекой, неспешно текущей и пахнувшей водой и кувшинками, – где-то здесь дремлет зло, древнее и страшное, и если оно вырвется наружу, то это и будет означать конец времен.

Мальчишки дрожали, сидя на пыльном чердаке и глядя друг на друга круглыми от страха глазами. Но чем страшнее им было, тем с большим рвением они бегали по городу, собирая и нанося на карту полустертые знаки, выслушивая рассказы всех, кто мог или хотел что-нибудь им рассказать, чувствуя себя причастными к Тайне. А в детстве нет ничего интереснее и важнее.

² Армилос – имя и сюжет восходят к роману австрийского писателя Густава Майринка (1868–1932).

Глава 2

Ирада быстро шла по коридору, опустив голову и не глядя по сторонам. Она даже волосы распустила, и они упали на лицо, скрывая предательские слезы, дрожащие на ресницах. А вот уже соленые капли текут по щекам... и наверняка оставляют дурацкие полоски туши, которые не так просто будет смыть. Она влетела в туалет, захлопнула за собой дверь и взглянула в зеркало над раковиной. Ну, надо отдать должное производителю – тушь потекла самую малость. Девушка вздохнула, достала косметичку и занялась своей внешностью. Плакать будем дома. Человек работающий не может себе позволить долго отсутствовать на рабочем месте, и эмоции себе тоже не очень-то позволишь. Конечно, это обидно. Рада почувствовала, что к горлу опять подступают слезы, и, наплевав на все правила и заботу о собственном здоровье, быстро сделала пару глотков из-под крана. Водичка, признаться, на вкус оказалась весьма отвратной, но все же ей полегчало. Надо увольняться, решила она. Девушка твердо пообещала себе сегодня же составить резюме и разослать его по кадровым агентствам... и на сайты соответствующие в Интернете повесить. Шефу она все объяснит. Вот как есть... Ну, может, не совсем как есть. Он ведь может и не поверить. Просто удивительно: такой приятный дядька – и женат на такой записной стерве. Впрочем, при нем-то она характер не слишком показывает. Но стоит генеральному директору пусть не самой крупной, но все же вполне приличной маркетинговой компании покинуть офис, как хозяйкой в нем становится его жена. Причем ведет она себя именно как хозяйка имения. Каждое утро мадам приезжает в офис. При этом шофер звонит заранее, еще только сворачивая в переулок, чтобы предупредить о нашествии. Охранники распахивают сверкающие стеклом и металлом двери и застывают по стойке «смирно». Наталья сбрасывает шубу (если зима) и шарф или палантин (если лето) на руки неотступно следующему за ней телохранителю и фурией проносится по комнатам и коридорам. Достается всем: уборщицам – за пыль и плохо вымытые полы. Офис-менеджеру – за то, что купили не тот сорт туалетной бумаги или размер скрепок. Охране – за небоевую выправку. Сотрудникам – за нерасторопность, лень, неумение гореть на работе. Ну а уж секретарше – секретарше достается за все.

Сегодня утро началось неплохо. Шеф приехал один, поздоровался с Радой и Раисой Петровной, которые сидели в приемной, прошел к себе, подписал бумаги, отдал распоряжения, провел встречу с потенциальным заказчиком и в половине двенадцатого отбыл куда-то по своим директорским делам. Рада и Раиса Петровна дружно налили себе по чашке чая, угостили парой баранок из казенных запасов и уселись обратно за рабочие столы. В компании «Маркетология» при неплохих оборотах и обилии заказчиков двух секретарей вполне хватает. Раиса Петровна носит гордое звание личного помощника генерального директора, а Ирада в штатном расписании значится просто секретарем, и им, собственно, и работает. Нельзя сказать, что работа девушке очень уж нравится. Но платят неплохо, до дома ездить недалеко, и коллектив вполне нормальный подобрался – кроме жены шефа.

– Хотя бы мадам сегодня не приехала, – сказала Раиса, аккуратно макая баранку в чай. – У меня давление с утра не очень, а как она начинает орать, я все время боюсь, что меня гипертонический криз хватит.

– Ой, да ну что вы, нельзя так нервничать, – отозвалась Рада.

– Да я знаю, знаю. Но ведь это тебе все как с гуся вода. В крайнем случае новую работу найдешь. А мне лет уже пятьдесят с хвостиком. И таких хвостатых не больно-то куда-нибудь берут.

– Ну, у вас же опыт, – попыталась утешить даму Ирада. – И вообще, перестаньте себя накручивать. Никто вас не уволит. В вашем случае возраст является заслугой, потому что Наталья никогда не возьмет мужу личного помощника моложе пятидесяти лет.

– Это точно. Она тебя с трудом терпит именно из-за молодости и мордашки симпатичной.

– Да я вообще что? Я даже и не крашусь почти, лишь бы не выделяться особо. Вот Анастасия Павловна из отдела разработок: и блузочки прозрачные носит, и глазки строит шефу. Чего бы нашей мадам на нее не сорваться?

– Анастасия – жена нужного человека из налоговой инспекции, – оглянувшись на дверь, прошептала Раиса Петровна. – Так что даже если она голой придет, наша мадам только улыбаться будет. Она понимает, что шеф не полезет к жене налогового начальника – он себе не враг.

– Ох, не офис, а мадридский двор какой-то.

– Точно.

И в этот момент по коридору зацокали каблучки. Секретарши взглянули друг на друга и хором вздохнули: помяни черта, он и появится. Явилась Наталья – жена шефа – и за каких-то десять минут умудрилась довести Раду до слез.

Сегодня хозяйке под хвост попала новая шлея: она вдруг вспомнила, что родом из Арзамаса, окончила медицинское училище, работала медсестрой и лишь потом подцепила себе в мужья тогда еще начинающего, но весьма перспективного бизнесмена. А потому может считаться самостоятельно пробившейся в люди, селф, блин, мейд. И вообще бизнесвумен. Она и в ведомости значится как заместитель генерального! Это вам не кошкин хвост. Круг обязанностей муж и начальник обрисовал ей несколько неопределенно, ведь в бизнесе Наталья ровным счетом ни черта не понимала, и реально толку от нее никакого быть не могло. Но она делала что могла – строила и муштровала персонал, совала везде свой нос и пребывала в твердой уверенности, что таким образом поддерживает дисциплину и повышает производительность труда в компании.

Жена шефа прошлась по приемной, одарила секретарей презрительным взглядом, улыбнулась своему отражению в зеркале на стене... и поймала брошенный на нее украдкой взгляд Ирады.

– И что, долго будем меня разглядывать, вместо того чтобы работать? – завелась Наталья. – Я в твои годы, между прочим, впахивала как лошадь... И не в теплом офисе с кондиционированным воздухом, а в вонючей больнице!

Ирада опустила голову и застучала по клавишам компьютера. Ясно, сегодняшняя кампания по унижению персонала фирмы проводится под лозунгом: «Москвичи ничего не умеют и не хотят. Привыкли на всем готовом. А вот как работать...»

Ну как такой симпатичный человек, как Святослав Алексеевич, мог жениться на этой фурии? Да на нее единственный раз взглянуть – и все ясно. Губы тонкие, блондинка крашенная, постоянно голодная, потому что если даже просто посмотрит на кусок хлеба, то сразу килограмм прибавляет. Да, дорогой парикмахер и маникюр много значат. Но выражение лица и этот голос... бр-р. Как у торговли на вокзале, которая собачится с товаркой из-за места. «Наверное, шефу некогда ее разглядывать. Да и вообще, не мое это дело, что ему нравится в личной жизни. Может, он скрытый мазохист. Вот уж жена у него садистка точно», – думала девушка.

Наталья цеплялась и наезжала на секретаршу, пока не довела девчонку до слез. После того как Ирада, хлюпая носом, убежала в туалет, жена шефа победно ухмыльнулась, поправила волосы перед зеркалом и, бросив Раисе Петровне «Кофе мне», удалилась в свой кабинет.

«И ведь что она ко мне пристала, – с тоской думала Ирада, разглядывая себя в зеркале. – Ничего ведь особенного. Ну, симпатичное личико, но не кукла Барби. Просто зеленые, как у мамы, глаза, русые волосы и хорошая фигура. Так я не крашусь почти – только тушь и пудра, чтобы нос не блестел! Волосы в пучок или гладко на пробор, стрижка каре до плеч почти не требует укладки. Ношу костюмы и юбки не короче середины колена. Мне что, паранджу надеть?» Мысли о том, что она вполне симпатичная, и никакая Наталья этого не изменит, помогли успокоиться, и Рада решила, что пора покидать убежище.

Она оценивающе оглядела свое отражение. Ну, вроде с лицом все нормально. Итак. Вдох-выдох – и вперед, на боевой пост, к компьютеру и телефону.

Телефон не звонил. Ирада поднималась по лестнице пешком, потому что денег на фитнес-центр нет, а талия должна быть стройной и бедра тоже. Вот уже и ее девятый этаж. Дверь тонкая, и, когда в квартире разрывается телефон, его истеричные трели прекрасно слышны на лестничной площадке. Она торопливо вытащила из сумочки ключи, открыла замок и вошла в дом. Чертова трубка лежит на столике в коридоре и даже не думает звонить. Рада пожала плечами и, сделав вид, что ей это совершенно безразлично, сбросила туфли и пошла в комнату. Она аккуратно сняла юбку и блузку, повесила одежду в шкаф, натянула любимую футболку, которая доходит ей почти до колен, грустно улыбнулась маминому портрету, который стоит на полочке серванта, и отправилась в кухню. Сварила себе зеленой фасоли и две сосиски, вернулась в комнату и, забравшись с ногами на диван, уставилась в телевизор. В конце первой сосиски телефон все же зазвонил. Душу Рады наполнило торжество. Ага! Раз Андрей все же звонит, значит, понял, что неправ, решил извиниться! Пусть не напрямую, но если он делает первый шаг...

Она уже была в коридоре и сняла трубку.

– Да? – Надо, чтобы голос звучал спокойно-приветливо. Ну, тут Рада мастер: два года работы секретаршей – и в любом состоянии она могла изобразить внимание, приветливую улыбку и заинтересованность.

– Ирочка, это ты? – Голос в трубке был совершенно незнаком, и это, несомненно, голос старого человека.

– Кто это? – растерянно спросила она.

– Ирочка, это Николай Андреевич.

– Николай Андреевич? – тупо переспросила Ирада.

– Да я, можно сказать, дядя тебе. Муж Терезы Арнольдовны.

– Ах да, простите, я вас не узнала.

– Детка, я хочу попросить тебя приехать.

– Что-то случилось?

– Да... Терезочку я похоронил...

– Как? Тетя умерла?

– Да, детка. И я хотел... Я болею последнее время. Надо бы передать тебе наследство. Она так велела.

– Конечно, я приеду. Что же вы сразу не позвонили, вам одному было трудно справиться с похоронами и остальным.

– Что ж теперь... Ты приедешь, детка?

– Да. – Девушка в панике подумала, что ее не отпустят с работы. Не станет Наталья слушать ее оправдания. Рада подняла глаза, взглянула в сторону комнаты, где на полочке стоял мамин портрет, и твердо сказала: – Я обязательно приеду, как только смогу купить билет. Только, пожалуйста, скажите мне ваш адрес и телефон, а то я могу не найти дом. Где-то у мамы записано, но...

– Да-да, пиши, Ирочка...

Остаток вечера Рада провела у телевизора. На одном канале пели и веселились, причем все те же лица, что и десять лет назад (демонстрируя не столько талант, сколько чудеса пластической хирургии), на другом канале стреляли и «мочили всех», а на третьем серьезные дядечки и тетечки с умными и оттого усталыми лицами в который раз пытались ответить на вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». И ситуация с поисками ответов выглядела так же безнадежно, как во времена Ивана Сергеевича Тургенева. Собственно, каналов было больше трех, но это ничего не меняло. Рада в конце концов остановилась на каком-то старом фильме.

Фильм показывали в миллион сто первый, наверное, раз, к юбилею актера. Рада вспомнила, как они смотрели этот же фильм вместе с мамой, и тихонько похлопала носом. Потом решила думать о дне сегодняшнем, но и тогда мысли ее остались печальны. После смерти мамы тетя Тереза стала для Рады единственным родным человеком. Они никогда не были близки, виделись всего несколько раз, потому что тетя жила в Калининграде, а ее сестра Клара с дочкой Ирадой – в Москве. Но все же мысль о том, что кто-то о ней думает и помнит, согревала сердце девушки. Приехав на похороны Клары, своей младшей сестры, Тереза почти не плакала. Она лишь старалась как можно больше времени находиться рядом с племянницей, а перед отъездом сказала:

– Я, если нужно, все для тебя сделаю. Ничего, что мы мало общались. Ты обязательно должна помнить, что я у тебя есть.

Рада кивнула, она тогда плохо воспринимала происходящее. Но тетя слов на ветер не бросала. Раз в месяц она звонила в Москву, а еще они с Ирадой стали переписываться по электронной почте. В письмах этих не было ничего особенного. Так, обычные вопросы вроде «Ты как? Хватает ли денег? Получил ли твой молодой человек повышение?». Но интерес тети к ее жизни позволял Раде не чувствовать себя совсем одинокой. Пусть и далеко, но есть родной человек, который думает о ней, волнуется. Девушка тоже регулярно интересовалась здоровьем Терезы и ее мужа, но тетка всегда отвечала, что все «неплохо и слава Богу». Иной раз упоминала о работе или о том, что происходит в городе. Рада все собиралась поехать в гости – Тереза Арнольдовна очень звала, писала: «Обязательно приезжай, детка. Берега нашего моря янтарные, и здесь есть все, чтобы такой молодой и общительной, как ты, не было скучно. Знаю, что природа в твоём возрасте не главное – но и кафе и дискотек тут достаточно». Рада обещала... но так и не собралась... В Турции ведь теплее, и солнца больше, и вода голубее, чем на Балтике.

А теперь вот и тети Терезы не стало, и никто не ждет ее на Янтарном берегу.

На следующий день все получилось именно так, как Рада и предполагала. Наталья, курсировавшая по коридору вдоль открытых дверей, услышала, как девушка просит в отделе кадров отпуск.

– Куда это ты собралась? – Жена шефа вплыла в кабинет, распространяя запах безумно дорогих духов, от которых у Ирады болела и кружилась голова. Мадам не обратила ни малейшего внимания на Катерину Сергеевну, начальницу отдела кадров. А девочки, сидевшие в противоположном углу, вообще сжались в комочки так, чтобы спрятаться за мониторами и никак не выдать своего присутствия.

– У меня умерла тетя, – деревянным голосом повторила девушка. – В Калининграде. Вчера позвонил ее муж. Я должна поехать туда и помочь ему. Он пожилой и не очень здоровый человек.

– Наследство поедешь оформлять? – Тонко выщипанные брови вздернулись. – Так, может, тебе, как богатой наследнице, работа больше и не нужна? Вот так взять и «мне надо уехать!», а кто за тебя работать будет?

– Я заменяла Раису Петровну, когда та болела, – ответила Ирада. – Она могла бы теперь подменить меня на неделю.

– Она личный помощник генерального директора и не может крутиться как белка в колесе, отвечать на дурацкие телефонные звонки и печатать кучу бумаг.

– Я могу подать заявление об уходе, – неожиданно для самой себя выпалила Рада. – Это решит проблему?

– Ирочка, что же вы... – Катерина Сергеевна вскинулась было, но, взглянув на Наталью, умолкла. Ей было искренне жаль девочку, и она, само собой, дала бы ей отпуск, но... Но не она тут хозяйка.

Меж тем глаза у жены шефа вспыхнули, как у кошки.

– Ах вот как! Мы, оказывается, такие гордые? Такие решительные? Нам не нужны рекомендации и работа? Тогда пиши! Пиши заявление немедленно! Только предупреждаю – чтобы я тебя тут больше не видела! И ни копейки не получишь, поняла? Ни копейки! Никаких там выходных пособий и прочих глупостей!

Ирада присела на стул и взяла чистый лист бумаги. Она начала писать заявление об уходе молча, ровным почерком, решив не унижаться до скандала с мерзкой бабой. Отольется ей когда-нибудь. Не зря поговаривают, что шеф завел любовницу.

Наталя, посверкав глазами, но не встретив отпора, фыркнула и вылетела из комнаты. Начальница отдела кадров, вспомнив что-то, встала, тихонько сказала Раде: «Не уходи никуда, я сейчас», – и выскользнула в коридор.

Она вернулась буквально через пять минут, вынула из папки конверт и ведомость. Нервно оглядываясь на дверь, сказала:

– Расписывайся скорее, это зарплата за последний месяц.

– Но она же...

– Бухгалтер скажет, что ты с самого утра деньги получила. Кто же знал, что тебя уволят! Пособие по увольнению она тебе, конечно, не даст, но хоть свои заработанные забери.

Ирада поблагодарила, расписалась в ведомости, которую Катерина Сергеевна тут же спрятала в папку. Деньги она пересчитывать не стала, просто убрала в сумочку. Потом вернулась на свое рабочее место.

Она печатала новое штатное расписание, когда на пороге приемной появилась Наталя.

– Ты почему еще здесь? – Аккуратно выщипанные брови взлетели под светлую челку, руки неудержимо поползли к бедрам: принять позу торговки-скандалистки.

– Но я же не могу вот так уйти, – удивилась девушка. – Люди звонят... И Святослав Алексеевич к обеду должен подъехать.

– Вот и будет ему сюрприз! Давай, собирай манатки и выметайся, ясно? Чтобы через пять минут тебя тут не было! А не то прикажу охране вывести тебя вон.

Каблуки мадам уже звонко цокали по коридору, а Рада все еще смотрела на дверь. Ну не дура ли? Ведь дело ее мужа пострадает: кто будет к телефону подходить, на звонки отвечать, посетителей встречать? Что за фирма без секретарши? Впрочем, раз дело дошло до угроз, надо уходить. С этой чокнутой станется натравить на нее своих качков.

Ирада открыла ящик стола и принялась собирать в пакет личные мелочи: кружку, чай, учебник английского, пару журналов. Коробку конфет, которую вчера презентовал ей кто-то из клиентов, она решила по дороге занести Катерине Сергеевне. Они с бухгалтерами чайку попьют, когда Наталя умотает куда-нибудь.

Так, остались туфли на удобном каблуке и палантин, который она иной раз накидывала, если кондиционер вдруг начинал работать с излишним энтузиазмом. Все в пакет – и до свиданья всем. Раиса Петровна чуть не плакала: она искренне огорчилась тем, что такая милая, воспитанная девочка уходит. Неизвестно еще, кого возьмут на ее место.

Девушка попрощалась со всеми сослуживцами, благо мегера сидела у себя в кабинете и ворковала с кем-то по телефону. Благодаря редкому имени Ираду звали по-разному: кто-то Ирой, кто-то Радой. И теперь сотрудники и сотрудницы, которые, общаясь по электронной почте, уже были в курсе увольнения, выскакивали в коридор и, поглядывая в сторону кабинета Натали, торопливо говорили:

– До свиданья, Ирочка, так жаль, что ты уходишь.

– Пока, Рада, удачи тебе!

– Надеюсь, что на другом месте больше повезет!

– Не расстраивайся, Ирада, любые перемены к лучшему!

Девушка кивала, улыбалась и благодарно отзывалась на любой вариант, хотя ей больше всего нравилось имя Рада. Так звала ее мать и на вопрос девочки, почему ее называли таким

сложным, непривычным русскому уху именем, отвечала: «Потому что оно похоже на слово „радость“. А ведь ты – моя радость».

И вот Рада уже идет по улице, немного растерянная от собственной свободы и неожиданно наступивших в ее жизни перемен. Начало сентября почти не отразилось на городе: Москва была по-летнему тепла и солнечна... хотя многие сказали бы, что в городе ужасно пыльно и жарко. Люди уже обрели загар, и многие из всех сил старались его продемонстрировать, оголяясь по максимуму. Над улицами висела туманная пелена: пыль и смог делали перспективу чуть смазанной, а краски окружающего мира не слишком яркими. Не спеша девушка шла по улице к метро, улыбаясь солнышку, отмечая интересные новинки в витринах и рассматривая прохожих. «Ах, какие туфли роскошные на той тетке... На мне бы эта кофточка смотрелась лучше... Ого, он чуть шею не вывернул, глядя мне вслед... впрочем, даже если бы попытался познакомиться, я бы его отшила – староват и почти лысый». Рада села за столик кафе и некоторое время делала вид, что смакует посредственный капучино, за который тут драли безбожные деньги. Но приятно сидеть вот так, зная, что не надо никуда спешить и что завтра никто не будет придирается по пустякам. Сама себе хозяйка, пусть и временно! Здорово! Она допила кофе, еще немножко посидела просто так, лениво и бездумно разглядывая текущий мимо людской поток. Потом решила, что если хочет добраться до дома, пока не начался час пик, то самое время двигаться, и поднялась с места.

Решительно, почти печатаая шаг, прошла Ирада мимо «Атриума», твердо повторила себе, что никакие распродажи ей сейчас не интересны – не ко времени. Неизвестно, что там в Калининграде. Возможно, придется помогать дяде деньгами... Так, где тут у нас авиакабсы? Ага, вот. Конечно, на поезде было бы дешевле, но ведь это через границу, а значит, нужны визы. Да и долго слишком.

Некоторое время Рада озадаченно переминалась неподалеку от окошечка авиакабсы, не в силах решить, брать ли билет туда-обратно или только туда. Потом подумала, что раз работы нет, а Андрей все равно не звонит, то и торопиться домой не стоит. И купила билет в один конец. Самолет вылетает сегодня же поздно ночью, а потому билет ей достался со скидкой. «Так даже лучше, – решила девушка. – Собраться успею, а времени на беспокойство и тревогу не останется».

Она вернулась домой, поела и принялась прибираться. После того как два года назад умерла мама, Ирада живет одна, так что если она оставит в своей небольшой «двушке» полный бардак, никто, кроме нее, этого не увидит. Но все же так нехорошо, как-то даже перед собой неудобно. Поэтому она вытерла пыль, вымыла полы, перестирала немного белье, скопившееся в тазике в ванной. Нашла в шкафу майку Андрея и вдруг разревелась. Он не звонит, и это ужасно. Это значит, что она осталась совсем одна.

Они с Андреем познакомились года три назад. Крепко сбитый, светложкий, рыжеватые волосы, серые глаза, чуть вздернутый нос – симпатичный парень, но во внешности ничего особенного. Он работал на каком-то предприятии специалистом по наладке холодильного оборудования. Рада была удивлена, увидев в его ванной комнате целый арсенал средств по уходу за руками. Андрей тщательно следил за ногтями и пользовался кремами, чтобы не походить на работягу.

Родом молодой человек был из Челябинска. Окончил там техникум, отслужил в армии. В Москве смог устроиться на приличную работу и, понравившись начальству, поступил на вечерний в институт. К моменту встречи с Радой Андрей уже учился на последнем курсе и очень рассчитывал после получения диплома о высшем образовании перейти на должность менеджера, то есть стать «белым воротничком».

– Я, понимаешь, ценный специалист, – объяснял он Ираде. – Установки знаю все, какие у нас покупают и производят. Слежу за новинками, между прочим. Менеджеров-то в любой

конторе пруд пруди, но такого, чтоб знал, что к чему, и разбирался в железе, – я один. Вот увидишь, через пару лет стану начальником отдела закупок.

Познакомились они на шашлыках у подружки на даче. Андрей понравился девушке умением пить умеренно и не пьянеть, обстоятельностью и чистоплотностью. И еще он мог поддерживать разговор практически на любую тему. Позже она поняла, что молодой человек помешан на планировании и широкий кругозор был лишь частью плана продвижения вверх, к благосостоянию и руководящей должности. Андрей смотрел все хоть сколько-нибудь достойные киноновинки или, по крайней мере, читал на них рецензии, чтобы иметь возможность перемолвиться с шефом парой слов о последнем фильме братьев Коэн, а с ребятами обсудить новый боевик Бондарчука. То же и с книгами: читал Андрей не так уж много, но только то, что могло пригодиться в дальнейшем. Как-то Рада увидела среди его бумаг затертую газетную вырезку: «Сто книг, которые вы должны прочесть, чтобы считаться образованным и эрудированным человеком». Андрей продвигался по этому списку с завидной методичностью и уже перевалил за шестой десяток. В той же статье имелись инструкции, как именно нужно читать книги. «Обязательно просмотрите предисловие, – наставлял автор статьи будущих эрудитов. – Это даст вам общее представление о книге и поможет понять содержание, если оно окажется слишком сложным для вас. Заведите специальную тетрадку и после прочтения выписывайте в нее по паре ударных фраз или оригинальных мыслей из каждой книги. Тетрадь время от времени просматривайте и вплетайте в свою речь высказывания мудрых. Это заставит людей считать вас не просто человеком читающим и образованным, но и думающим». Ирада нашла и тетрадку с цитатами. Ей это показалось трогательным и забавным, она посмеялась и рассказала об этом маме. Та вздернула брови и пробормотала, что это как-то... похоже на программирование робота. Они тогда поспорили. Ирада защищала Андрея, доказывая маме, что вовсе не плохо, когда человек знает, чего хочет, и упорно идет к своей цели.

– А было бы лучше, если бы он все деньги тратил на гулянки или копил бы на машину навороченную, а о завтрашнем дне не заморачивался? – горячилась она.

– Нет, я не к тому... – Мама качала головой. – План – это хорошо. Планирование – основа успеха, этому нас еще в школе учили... но вот расчетливость – качество двоякое. Не хочу ничего сказать про твоего Андрея, мы, в конце концов, только по телефону разговаривали, и я его в глаза не видела, но от расчетливости до бездушности только один шаг. И ты не боишься стать пунктом в его плане достижения благосостояния?

– Ой, мама! Ну ты просто смешная! Какое благосостояние? Да он зарабатывает прилично, больше тебя. А я вообще учусь, и моих лаборантских хватает... да ни на что их толком не хватает!

– У нас есть квартира, а для мальчика из провинции московская прописка и квартира – это немало, – упорно гнула свое мама.

После этих слов Рада обиделась, и мама стала извиняться: она не хотела плохо говорить о ее молодом человеке, просто любая мать переживает, и пусть Ирада сама решает, лишь бы была счастлива.

– Ты так говоришь, словно я за него замуж собираюсь! – возмущенно воскликнула девушка.

– А что, если он позовет, ты откажешься? – быстро спросила мама.

– Не знаю, – честно ответила Рада.

Андрей ей нравился. Очень. Что плохого, если у человека есть цель в жизни? У Андрея такая цель имеется. Он никогда не скрывал, что хочет стать богатым человеком, и для этого он много работает, занимается самообразованием и следит за собственным здоровьем. Он всегда был приветлив, неброско, но прилично одет. Глядя на других, Ирада все больше убеждалась, что ее Андрюша – мечта, а не парень. Он снимал комнату в Марьино, и Рада не раз подумывала, что надо бы предложить ему переехать к ним с мамой, но каждый раз откладывала это

решение. Ей было неловко, что мама неизбежно будет слышать их охи и вздохи по ночам, сталкиваться с Андреем в ванной, готовить любимое им мясо. Мама вряд ли будет так уж сильно возражать, сама же сказала – главное, чтобы Ирада была счастлива. Но как-то все не с руки было ломать налаженный быт; девушка просыпалась утром в своей постели, в обнимку с плюшевым мишкой, мама целовала ее в нос по дороге в ванную, а потом готовила завтрак, и они вместе ели мюсли, или йогурты, или еще что-ни будь легкое и пили вкусно пахнущий кофе. Собирались на работу, меняясь помадой или одалживая шарфик или сумочку... И Рада опять откладывала предложение о переезде, потому что им так хорошо вдвоем с мамой!

А потом случилась та ужасная авария: маршрутка, в которой ехала мама, столкнулась с грузовиком и перевернулась на шоссе. Ирада осталась одна.

Андрей ей тогда очень помог. Он взял на себя все организационные моменты, похороны и поминки прошли очень достойно. И еще он переехал жить к Раде, решительно заявив, что не может оставить ее одну.

– А потом, когда пройдет положенное время и ты успокоишься, мы поженимся.

И она согласно кивнула, не чувствуя ничего, кроме горя и благодарности к человеку, который не бросил ее.

Они прожили вместе почти два года. Ирада получила диплом, но работу особо долго не искала и устроилась секретаршей. Андрей купил машину – подержанную иномарку, но в приличном состоянии. Они жили как семейная пара, и он не раз предлагал узаконить отношения, но девушка все откладывала и откладывала свадьбу, сама не зная почему.

Впрочем, это неправда, она прекрасно знала, почему тянет с ответственным решением. Брак – это обязательства. Выйти замуж за Андрея – значит принять на себя обязательства стать частью его плана. А именно этого Рада боялась. То, чем она хвалилась перед мамой и считала огромным достоинством своего молодого человека, через два года совместной жизни начало порядком действовать ей на нервы. Целеустремленность Андрея, а также его пристрастие к экономии и стремление все контролировать вызывали у Рады противоречивые чувства. Иной раз гордость – он такой умный, именно такие люди добиваются своего. Но порой накатывало раздражение и по-детски упрямое желание сделать наперекор. Например, когда они ходили по магазину со списком и он покупал только то, что нужно, и никогда – что хочется.

Или проблема с подарками. Ирада обожала выбирать подарки подружкам. Симпатичные вещички, милые пустячки или нужные в хозяйстве вещи, если речь шла о семейной паре. Но у Андрея имелась коробка с сувенирами. Часть из них составляли невостребованные подарки, принесенные кем-то из знакомых. Кое-что, например наборы бокалов, он покупал по случаю – на распродаже – и складывал, имея в виду приближающийся праздник. И он всегда настойчиво советовал Раде подыскать подходящий подарок в этой коробке, а не тратить деньги на всякую чушь. Из-за его планирования и ее страсти к экспромтам они и поссорились.

Не сказать, чтобы Рада была необузданной или совершенно без руля. Да ничего подобного! Обыкновенная девушка, довольно быстро научившаяся считать деньги, потому что они заработанные. Но иной раз какой-нибудь безрассудный порыв приносил ей столько удовольствия, сколько никогда не дарило хорошо подготовленное действие. Не важно, о чем речь – о покупке ли, походе в театр, прогулке или поисках работы. Андрей таких экспромтов не одобрял, и Рада довольно быстро научилась тихо радоваться таким моментам в одиночестве.

Однажды, когда Наталья – жена шефа – начала придирается к девушке, Рада вернулась вечером домой и заявила:

– Увольняюсь к чертовой матери! Это же невыносимо – терпеть такое!

Андрей поднял голову от книги и спросил:

– Ты нашла новое место?

– Нет, но что-нибудь подвернется.

– Так рассуждать неразумно. Уходить надо куда-то. И желательно на бóльшую зарплату. Потерпи и потихоньку ищи работу. Вот когда найдешь – тогда и уволишься.

Само собой, она стала возражать, разговор пошел по кругу, и все эмоции девушки разбивались о железную логику Андрея: найди работу, потом увольняйся.

Это было месяц назад. Ирада разослала резюме, но поступившие предложения были не слишком привлекательны, и Андрей опять настойчиво посоветовал ей потерпеть. Да, это, наверное, было разумно. Но как же неприятно! И нервы выматывало! Однако Ирада терпела, сжав зубы, считая до ста, лишь бы не отвечать Наталье на бесконечные придирки и хамство.

Потом случился еще один эпизод. Она прибежала домой радостная: после работы заглянула в «Атриум», а там, в приличном магазине, идет распродажа.

– Там такие куртки кожаные – это нечто! Давай завтра после работы встретимся и вместе сходим, – щебетала Рада.

– У тебя три куртки, – заметил Андрей удивленно. – Куда четвертую?

– Да это тебе! Ну, то есть если деньги останутся, то я бы тоже не отказалась. Там такая есть травяного цвета курточка... Но прежде всего мы должны купить тебе на осень нормальную одежду. Ты же теперь почти менеджер (начальник уже пообещал Андрею повышение) и должен хорошо одеваться.

– Я купил куртку прошлой осенью и только забрал ее из чистки. Она в совершенно нормальном виде.

– Да ну, у тебя сейчас простая тканевая куртка, а будет кожа! Что ты сравниваешь?

– Нет, – он решительно покачал головой, – это не имеет смысла. Все цены в этом твоём «Атриуме» завышены так, что никакая распродажа их не покроет. Кроме того, в расходах на этот год куртку я не планировал. Куплю ближе к весне, когда будут настоящие зимние распродажи.

Девушка растерялась. Он даже не стал спорить. Сказал «нет» и вернулся к чтению как ни в чем не бывало. И читает ее благоверный не что-нибудь, а «Фауста» Гете. Само собой, по списку. Рада закусил губы. Не может быть, чтобы она разозлилась на своего мужчину. На него абсолютно не за что злиться! Он все делает правильно, даже придраться не к чему: он пришел с работы вовремя, принял душ, переоделся в домашнее. Поел и посуду за собой помыл. Читает на кухне, потому что здесь свет падает на книгу с левой стороны, как и должно быть. Он подстрижен, аккуратен и спокоен. И он просто невыносим!

И тут Ираду понесло. Все как-то сложилось в одно: постоянная нервозность на работе, невозможность потакать своим маленьким женским слабостям, страх перед будущим и бог знает что еще – и вылилось буквально в истерику. Она устроила классическую сцену: назвала Андрея бездушным роботом, человеком-арифмометром.

– Неужели ты не прочел ни одной книги помимо этого дурацкого списка? Просто потому, что тебе стало интересно? Не купил ни одной вещи просто потому, что она тебе понравилась? – вопрошала девушка. Она металась по комнате, не в силах сесть и успокоиться, еще больше раздражаясь от его удивленного вида. И наконец самый главный вопрос, который подспудно мучил ее все это время, тоже сорвался с языка: – А я? Я тоже часть плана? Москвичка с квартирой? Я тоже часть плана? Или ты все же любишь меня? А что будет, если я завтра забеременею? Просто так, вне плана? Если мне хочется ребенка? Ну, скажи, что?

Она вглядывалась в лицо Андрея, слыша свое бешено бьющееся сердце. Внутри кто-то жалобно голосил: «Истукан чертов, скажи, что ты меня любишь! Что я для тебя единственная и что ты готов любить меня такую, какая я есть, – взбалмошную и бестолковую. И все у нас будет хорошо».

Но Андрей внимательно оглядел ее и встревоженно спросил:

– Надеюсь, насчет беременности это была шутка? Сейчас мы не можем позволить себе ребенка.

Это Раду добило. Она велела ему уходить. Убираться. Просто вот так – «пошел вон из моего дома». Он опять взглянул на нее удивленно и с упреком, методично собрал свои вещи и ушел. И с тех пор не звонил. Ни разу. Просто вычеркнул ее из плана, из своей жизни. Зачем время терять на непредсказуемую девицу.

Перестав всхлипывать, Рада решила все же, что нельзя уехать просто так, ничего не узнав. Сразу звонить Андрею она не решилась и набрала телефон Скви, на даче которой познакомилась с Андреем. Вообще-то родители нарекли девушку патристично-исконным именем Прасковья, но черные прямые волосы и полная невозмутимость фигурантки вызвали из глубин детской памяти приятелей книжки про индейцев, и Прасковья еще в средних классах школы получила кличку Скви. Сама Прасковья не возражала, понимая, что альтернативным вариантом вполне может стать что-нибудь совсем уж посконное, типа Парашки, так что пусть лучше Скви. По мнению одноклассников, Скви была с «сильно в другую сторону резьбой», потому что всю жизнь интересовалась исключительно магией и половину времени пребывала в полусонном состоянии, словно где-то в другом мире. Однако загадочность, цельность и упертость девицы вызвали некое уважение, а если учесть наличие часто пустующей квартиры и дачи – то понятно, что Скви пользовалась в классе репутацией Центра единения. Когда славные школьные годы закончились, она по-прежнему охотно собирала у себя одноклассников, разбавляя их вновь приобретенными знакомыми и друзьями их друзей.

Вот и в тот раз, когда Рада познакомилась с Андреем, на даче Скви толклось немерено народу. Еду и выпивку везли свою, потому что хозяйка такими вещами не заморачивалась. Еще были гитары и вполне приличный музыкальный центр, шашлыки и много вина. Дача представляла собой здоровенный деревянный дом, двухэтажный и довольно старый, но сложенный на совесть. Старый поселок потихоньку обживали нувориши, но часть бывших дачников еще держалась, а потому здесь встречались интеллигентные старушки и дядьки с военной выправкой, колокольчики у дверей и цветные стеклышки в окнах, дороги были гравийные, но вполне проезжие.

А еще в поселке сохранилось много садов и сирени. Конец мая – начало июня – время мечтаний, когда лето только настает и кажется, что тепло и зелень бесконечны и обязательно что-то хорошее успеет случиться до наступления холодов и дождей. Большой участок Скви, обнесенный почти невидимой сеткой-рабицей, был засажен сиренью. Старые могучие кусты переплетали ветви, образуя аллею от дома до площадки с мангалом и летней кухней. Вдоль забора тоже все было зелено, и вообще тут никто не сажал роз и прочей чепухи. Смородина, крыжовник, ирга и вишни росли вперемежку с акациями и шиповником, березками и яблонями, образуя неожиданные полянки и укромные местечки. В тот вечер в просторной беседке собралось человек двадцать, Рада оказалась за столом рядом с Андреем, он все подкладывал ей шашлык и занимал разговором. Пил мало, зато смотрел внимательно и, когда стало вечереть и, соответственно, холодать, скинул джинсовую куртку и набросил на плечи девушки.

После ужина они попробовали было погулять, но даже на участке в двадцать соток оказалось трудновато отыскать угол, не занятый целующимися парочками. Тогда Андрей предложил сходить на речку.

– Боязно ночью как-то, – растерянно пробормотала Рада.

– Какая же это ночь? Десять часов всего. И тут нечего бояться – поселок тихий. Пошли, здесь недалеко.

И они пошли. Речка и правда оказалась близко. Ее едва видно было в высокой траве, да и не полезли они вниз по склону, потому что бежала вода в овраге. Нашли поваленное дерево и сидели, слушая соловьев и глядя на звезды. И разговаривали. Вернулись часа через два, когда Рада окончательно устала и замерзла. И опять же оказалось, что все места и лежаночки в доме разобраны. Смеясь, Андрей устроил ее в большом плетеном кресле, укрыл пледом, а сам куда-то ушел. Рада продремала часов до семи утра, а потом поползла в кухню ставить чайник –

пить после вчерашнего мяса хотелось невероятно. Андрей спал, сидя за деревянным кухонным столом и положив голову на руки. Раде ужасно трогательным показался этот сильный парень, который так ненавязчиво вел себя вчера, а теперь спал, словно мальчишка, умучившийся уроками. Она протянула руку и провела ладонью по коротко стриженным светлым волосам. Он вздохнул, поднялись широкие плечи. Открыл глаза и посмотрел на нее сонно. Поймал ладонь и, поцеловав, лег на ее руку щекой. Раде приятно была ласка, и смешно стало, потому что щека кололась. Он опять закрыл глаза и пробормотал:

– Отпущу, если пообещаешь накормить добра молодца.

– Клянусь.

– А напоить?

– Чай или кофе?

– Чай, крепкий.

– Ну, отпуская тогда, пойду скрести по сусекам.

Он опять улыбнулся, еще раз поцеловал ее ладошку и сказал:

– Давай, красна девица, готовь, а я пойду умоюсь пока.

Рада обшарила холодильник, быстро сваяла омлет с сыром и зеленью и заварила чай. Еще успела умыться из кухонного крана и нанести на лицо минимум косметики, чтобы выглядеть не совсем засоней и растрепой. Потом они завтракали, он проводил ее до дому и на следующий день позвонил и пригласил в клуб.

Вот так все и началось. Нормальный роман, вполне перспективный, только оборвался он как-то быстро и сразу, и теперь Рада никак не могла поверить, что отношения их действительно кончились. Честно сказать, мысленно она уже прокрутила несколько сценариев, взятых – пусть и бессознательно – из дамских журналов. «Надо все обсудить, – говорила она себе. – Мы слишком мало разговаривали. Если объяснить ему, что для душевного комфорта мне необходимо то-то и то-то, и подчеркнуть, что я для него поступаю многим, то он же просто обязан будет пойти мне навстречу». Ах, как хорошо все всегда написано в статьях, спрятанных под глянцевыми обложками! «Десять правил, как завести знакомство», «Десять правил, как удержать любимого», «Если хотите удачно выйти замуж – следуйте нашим советам!», «Как удержать мужа» и так далее и тому подобное. Советы на все случаи и этапы жизни. И так хочется им верить! Ну ведь разумно все написано и логично обосновано. И почему же он не поймет, если ему объяснить вот такими же словами? А ведь он не поймет. И не только потому, что не читал эту и подобные ей статьи. А просто потому, что ему это не надо. Не надо и все. Что и стало для Рады очевидно буквально через пять минут телефонного разговора с подругой.

Некоторое время девушки мирно щебетали, обсуждая погоду, распродажи и общих знакомых. Потом Скво напрямик спросила:

– Значит, ты с Андрюшей реально разошлась?

– Ну... – протянула Ирада.

– Если хочешь обратно отыграть, то придется потрудиться. Он уже некоторое время клинья к Насте подбивал, а вчера она мне позвонила и час ворковала: «Мы с Андрюшей ходили в театр, да мы с Андрюшей тут выбирали новые обои для кухни». Я так поняла, что он к ней переехал.

– Это какая Настя? – деревянным голосом спросила Рада.

– Ну, светленькая такая, с косой. Смышляева. Папенька у нее владелец каких-то магазинов. То ли мебельных, то ли ремонтных.

– А-а, – протянула Ирада, – ясно. Ну, если Насте я еще могу конкуренцию составить, то папеньке ее вряд ли. Так что пусть уж... Пошел он к черту!

– Ну и правильно, – мирно согласилась Скво. – А вот кстати, Борька обещал в отпуск приехать. Увидимся, компанию соберем.

– Не получится, – почти мстительно сказала Рада. – Я сегодня ночью лечу в Калининград.

Выслушав ее, Скво поахала, потом задумчиво протянула:

- Знаешь, я давно хотела закупиться аутентичным янтарем. Он все-таки камень целебный, и вообще, отдохнуть бы. Ты как устроишься – позвони. Я, может, подтянусь на бережок.
- Калининград не на побережье.
- Ну, гостиницы-то везде есть, найдем куда пристроиться. Но ты позвони, обещаешь? Рада пообещала, и они распрощались.

Закончив разговор со Скво, Рада поняла, что ей нужно срочно выпустить пар, и ураганом прошла по квартире. Перво-наперво она спустила майку Андрея в мусоропровод. Потом вымыла ванную и туалет, плитку в кухне, плиту и раковину. Пыль на шкафах и пол на лестничной клетке. Потом поняла, что зверски хочет есть, и приготовила себе совершенно неприемлемый с точки зрения диетологии ужин: омлет с сосисками плюс бутерброд с сыром. После того как Ирада все это слупила, запила чашкой чая и посмотрела на часы, оказалось, что уже девять. Пожалуй, пора собирать вещички и выдвигаться в сторону аэропорта. Она ехала сперва на метро – с чемоданом это сущее мученье: все толкаются, спотыкаются о ни в чем не повинный багаж и бормочут что-то нелестное. Потом, загрузившись в поезд-экспресс до аэропорта, Рада вздохнула с облегчением и даже купила какой-то очередной журнальчик в красивой обложке. Уже сидя в самолете, девушка сообразила, что прилетит в Калининград неприлично рано и, наверное, не стоит беспокоить пожилого человека в... сколько же это будет? Да, около пяти. «Ну, посижу где-нибудь в скверике», – решила она.

Пока самолет летел над бесконечными просторами нашей родины, а соседи шуршали газетами или спали, Рада думала о дяде и тете. Тетя Тереза была намного старше мамы. Мама вышла замуж, как она сама говорила, «за командировочного». Он был человеком веселым, но не слишком ответственным. Привез молодую жену в Москву, через год родилась Рада, а потом он завербовался на Север. Клара отказалась ехать с ним, но и возвращаться в Калининград не захотела. Тогда отец оставил ей квартиру и уехал. Больше они вестей от него не получали, и мама всегда говорила, что им и так хорошо – вдвоем. Тереза и Клара переписывались и изредка созванивались, но из-за большой разницы в возрасте – шестнадцать лет – настоящей близости между ними не было. Сама Ирада видела тетю три раза – один раз в детстве, когда ей было всего лет шесть и мама повезла ее на побережье Балтийского моря лечить привязавшийся после долгой зимы бронхит. Они погостили у Терезы буквально пару дней, а потом жили в Светлогорске. Дома осталась бережно хранимая с тех времен шкатулочка, наполненная кусочками янтаря, и мамины же янтарные бусы. Кстати, тогда Тереза была замужем за Клаусом. Рада почти не знала его, и память услужливо предложила вместо воспоминания картинку-фотографию из семейного альбома: Тереза и Клаус сидят за столиком кафе, а между ними маленькая Рада с немного растерянным лицом и в хорошеньком платьице. Тереза на этой фотографии выглядела едва ли не моложе мамы, а Клауса фотоаппарат запечатлел как седобородого и седовласого немного сутулого человека. Спокойный и молчаливый, он не произвел на маленькую девочку особого впечатления.

А потом они ездили на его похороны. Ирада училась тогда классе в седьмом. В этот раз она узнала, что муж Терезы был этническим немцем. Он был старше тети и считался крупнейшим специалистом по истории Калининграда. Вторую поездку Ирада помнила гораздо лучше. Во-первых, потому, что она впервые в жизни присутствовала на похоронах. А во-вторых, возраст был уже внятный и такой... впечатлительный. Остановились они у тети. Тереза Арнольдовна жила в трехэтажном доме, построенном еще немцами до войны. Там были высоченные потолки и очень много книг.

В эту встречу Тереза Арнольдовна произвела на девочку большое впечатление, а вернее, просто понравилась. Она была старше мамы, совершенно седая, но волосы уложены аккуратно, на лице – ни следа слез, хотя мама не раз повторяла, что мужа своего она буквально обожала.

Строгое черное платье прекрасно сидело на подтянутой фигуре. Суховатые пальцы отягощены несколькими старинными перстнями. Она цепко оглядела племянницу светло-зелеными глазами и, улучив момент, нашла время поговорить с девочкой. Рада не очень поняла цель расспросов, но честно и терпеливо отвечала на вопросы: часто ли она болеет, боится ли воды, есть ли у нее на что-нибудь аллергия и что ей больше нравится – солнце или луна? Вопросов было больше, также Тереза показывала девочке разные предметы, что-то давала подержать в руки, просила примерить браслет и, кажется, пару колец.

Мать, застав Раду за примеркой широкого ожерелья, недовольно нахмурилась и потребовала, чтобы сестра прекратила «свои фокусы». Тетя послушно забрала у девочки ожерелье, старинное бронзовое зеркало, в которое та смотрелась, и ушла. Мать некоторое время недовольно молчала, и, когда Рада, движимая любопытством и неясным чувством вины, принялась расспрашивать, а чем, собственно, занимается тетушка и кем работает, мать выпалила:

– Ведьмой, – потом, словно одумавшись, сказала: – Она историк, как и Клаус... был. Просто она очень увлекается всякими... старинными вещами. Ты не обращай на это внимания.

Сами похороны запомнились девочке пронизывающим ветром, отсутствующим выражением лица Терезы, которая смотрела на окружающих какими-то совершенно прозрачными, словно невидящими глазами. Потом, как водится, были поминки. Ирада помогала маме готовить, разносила блины и кутю, а потом сидела в уголке и слушала речи коллег Клауса и Терезы.

Само собой, говорили они про вклад покойного в восстановление Калининграда после войны и что он помогал спасать наследие города и многочисленные коллекции, спрятанные немцами. А когда понял, что отправленные в Москву ценнейшие экспонаты просто не доходят до хранилищ, растворяясь по пути, стал ратовать за создание местного музея. Клаус стал сотрудником, а потом замдиректора музея и во многом определял его работу. Уже заработав известность и авторитет историческими исследованиями, выбивал из властей деньги на восстановление собора и других исторических памятников. Он очень любил свой город, свой Кёнигсберг. Собирал не только исторические свидетельства, но и легенды и мифы, потому что уверен был: город живет не только зданиями и дорогами, но и атмосферой, сказками и былями и у каждого города обязательно есть свой фольклор. И даже хотел книгу издать с историями и мифами из фольклора Кёнигсберга-Калинин града и его окрестностей. Да вы сами знаете, как у нас трудно что-нибудь издать. Но материал он собрал богатейший. И конечно же коллеги не допустят, чтобы труды его пропали. Вот и Тереза Арнольдовна будет продолжать дело мужа...

Тереза кивала, чуть улыбалась одними губами и время от времени поглядывала на фотографию Клауса, стоявшую на буфете. Перед фото, как положено, стояла рюмка водки, накрытая хлебом. Тетя все время возвращалась глазами к снимку мужа, и тогда на лице ее вдруг мелькало растерянное и беспомощное выражение. Рада подумала, что она не может пока поверить в смерть Клауса.

В вечер перед отъездом тетя Тереза долго о чем-то говорила с мамой на кухне. Ираде казалось, что они спорят, но разобраться, о чем речь, она не смогла и уже почти заснула, когда мама и тетя пришли к ней в комнату. Тереза зажгла торшер и присела к девочке на диван. Мать стояла молча за ее спиной, недовольно поджав губы, но молчала.

– Я подарю тебе одну вещь, детка, – сказала Тереза. – Это очень старая вещь, она должна храниться в семье и передаваться из поколения в поколение, пока не выполнит своего предназначения. Она принадлежала Клаусу, и он оставил ее мне. Но у нас нет детей. Так что медальон теперь твой. С этими словами тетя сняла с шеи цепочку, на которой висел круглый серебряный медальон. Металл потемнел, и узор трудно было разобрать. Тереза надела его на шею девочки и погладила серебряный кружок ладонью, словно прощаясь.

– Не снимай его, – тихо попросила тетя. – И никогда никому не давай и не продавай. Он будет тебя беречь от всяких бед.

– Тереза, – предостерегающе сказала мать.

– Да-да, я помню и не стану морочить ей голову. Но она не обязана верить в то, во что верю я. А я верю и знаю, что он поможет и убережет... когда придет час. Обещай мне не снимать его, девочка!

– Обещаю, – прошептала растерявшаяся Рада.

Мама и Тереза ушли на кухню, а она лежала, скользя пальцем по сложному узору на теплом металле и удивляясь неприязненно-отчужденному выражению, которое сохранялось на мамином лице все время, пока Тереза рассказывала про медальон.

Ирада быстро привыкла к украшению. Единственное, купила цепочку подлиннее, чтобы медальон висел в ложбинке меж грудей и не виден был каждому любопытному. Рада девушка скромная и кофточка с глубоким декольте носит нечасто. Она не понимала знаков, нанесенных на медальон, не пыталась прочесть странные буквы. Воспринимала его как украшение и все. И вот теперь медальон возвращается туда, откуда уехал... девять... почти десять лет назад.

Глава 3

– А почему вы ничего не едите?

Ирада вздрогнула и уставилась на говорившего. В салоне самолета ей досталось место с краю, и через проход сидел симпатичный светловолосый молодой человек. Он улыбался и рассматривал Раду с очевидной заинтересованностью, но без нахальства.

– Не хочется, – честно ответила девушка, улыбнувшись в ответ. – Я перед отъездом спасла продукты, которые оставались в холодильнике... так что до утра мне точно хватит внутренних резервов.

– Ого! – хмыкнул парень. – Уважаю предусмотрительных людей.

– Хотите? – Ирада подвинула в его направлении пластиковый подносик с тем, что компания КЛМ называла поздним ужином. Видимо, люди из этой компании считали, что на ночь много есть вредно, а потому неудивительно, что здоровый молодой мужчина не удовлетворился скудной пищей.

– Вы мне жертвуете свой ужин? – задумчиво спросил молодой человек.

– Конечно, берите!

– Спасибо... только если вы после этого не станете считать меня своим врагом.

– А? – Ирада растерялась.

– Ну, знаете, как говорят: «Ужин отдай врагу».

Они вместе посмеялись, и Рада клятвенно заверила, что не станет считать врагом человека, съевшего вместо нее невкусный ужин. Она хорошенько рассмотрела соседа и решила, что он очень даже симпатичный: светлые волосы, голубые глаза, хорошего рисунка рот, твердый подбородок с ямочкой. Ирада инстинктивно поправила волосы и улыбнулась приветливо, зная, что от этого на щеках появятся милые ямочки. Они познакомились, и Алекс сказал, что впервые встречает девушку с таким необычным и торжественным именем. Рада дежурно улыбнулась: эту фразу она слышала множество раз.

В классе, где училась Рада, у нее имелся личный враг – противный мальчишка по имени Борька. Борис Ирзов. Сперва это был просто мелкий и сутулый ботаник, впрочем, даже на этой стадии мальчишеского развития задира́ть его особо никто не рисковал, потому что Борька, считая себя оскорбленным, начинал биться, как белорусский партизан и ниндзя одновременно. Не то чтобы он умел драться или сил резко прибавлялось, но на его худом лице вдруг проглядывало что-то сродни остервенению. И всем сразу становилось очевидно, что исход драки ему безразличен, но пощады он просить не будет. За это качество худой очкарик заработал солидную кличку Берсерк. А еще Борька умел делать четыре варианта контрольной по математике за урок и никогда не жадничал, а потому к старшей школе стал пользоваться у одноклассников неизменным уважением.

Но где-то класса с седьмого Ирзов доставал Раду, выискивая самые невероятные имена и называя ее то Юдифью, то Эсфирью, то Ариадной. Каждое имя сопровождалось историей, которой с интересом внимали окружающие. Особенно, помнится, всех впечатлил сюжет о Юдифи и Олоферне.

Борька, не поленившийся полазить в Интернете и почитать энциклопедию, в красках рассказывал затихшим одноклассникам, как ассирийский полководец Олоферн вторгся в Иудею во главе армии царя Навуходоносора. Навуходоносор поручил ему покарать обитавшие к западу от Ассирии народы за неповиновение; в их число попали и израильтяне. Олоферн осадил иудейский город Вестилуя и перекрыл жителям доступ к воде, обрекая их на медленную смерть. Тем временем молодая вдова Юдифь, стремясь спасти родной город, надела красивые одежды и отправилась вместе со служанкой в стан ассирийцев. Остановившим ее воинам Юдифь объявила, что собирается указать их полководцу легкий путь к захвату Вестилуи.

Придя в шатер Олоферна, она рассказала ему, что израильтяне будто бы нарушили заповеди Бога, а значит, лишили себя Его защиты и обречены на поражение. Подчеркивая свое благочестие, она пообещала Олоферну помочь наказать отступников и провести его войско к Иерусалиму. За это Олоферн, восхищенный её красотой и мудростью, позволил Юдифи жить в его лагере. На четвертый день он устроил пир, на который повелел пригласить Юдифь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.